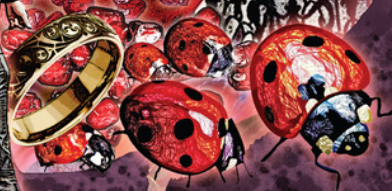

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА Битвы божьих коровок

Виктория Евгеньевна Платова

Битвы божьих коровок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124277

Битвы божьих коровок / Виктория Платова.: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-089589-2

Аннотация

Она никогда не была в большом Городе. Но именно большой Город все перевернул в ее жизни... Приехав навестить родного брата, Настя застаёт его... в морге. Ее Кирюша, которого она воспитала, заменив умершую мать, покончил жизнь самоубийством. Ничего нелепее быть не может. На стенах в его маленькой квартире «живут» полчища божьих коровок. Все говорит о повреждении рассудка, и факт самоубийства не вызывает сомнений. Но Настя просто не может поверить в это. Надев его кожаные штаны, куртку и ботинки, она решает примерить на себя его жизнь и разобраться в истинных причинах смерти Кирилла. На пути к истине Настю ждет много загадок. И первая из них – девушка с загадочным именем Мицуко...

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Виктория Платова

Битвы божьих коровок

*Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми – случайно.
Автор*

Часть I

...«Сколиоз, аллергия на крыжовник, и к тому же в детстве занималась самыми преступными видами спорта. С точки зрения какой-нибудь зачумленной супер-Линды Евангелисты... Академической греблей, например. Или толканием ядра, ежу понятно... Куда только смотрели имбецилы-родители, так испохабить девчонку! Бедная ты бедная, а со спиной у тебя труба... Не те позы принимаешь, когда дело доходит до секса. Если, конечно, вообще доходит до него, а не до сносок в «Камасутре», – думал патологоанатом.

«Совсем не похожа на красавчика-брата-погибель-всех-швей-мотористок. Крановщиц из пригорода, приемщиц ателье и кондукторов с высшим филологическим... Даже мои ботинки больше смахивают на красавчика, чем она. Даже шнурки от ботинок. Бедная ты бедная, а растреклятым онучам самое место в мусоропроводе. Три года оттаскал, пора и

честь знать», — думал следователь.

«Голубок и горлица никогда не ссорятся... Этого не может быть. Не может. Не может... Все, что угодно. Только не это. Голубок и горлица никогда не ссорятся. Никогда. Бедный ты бедный, а виноград?.. Целая сумка винограда и твои любимые гранаты... Что я теперь с ними буду делать?» — думала Настя.

— Прошу, — промурлыкал патологоанатом игривым тоном, более уместным для бокала шампанского с последующим приглашением на танец, чем для морга судебной экспертизы.

Следователь посмотрел на него с привычной укоризной и дернул подбородком: креста на тебе нет, мясник-расстрига, дневальный по бойне, креста на тебе нет.

Конечно, нет.

Патологоанатом ослабил и подмигнул следователю разбойной серьгой в ухо: конечно, нет! Я же буддист. И все мои покойнички, выпотрошенные и пронумерованные, тоже приобщаются, ожидают реинкарнции, ковыряясь в мертвых нозах. Под белыми простынками. А белый, как известно, цвет траура на родине папаши-Шакьямуни, так что все приличия соблюдены.

— Подойдите, пожалуйста. — Следователь ухватил Настю за локоть и почти силой подтащил к телу, целомудренно прикрытому простыней. А патологоанатом приподнял ее край.

Голубок и горлица никогда не ссорятся.

Это было правдой. Они никогда не ссорились. Настя и Ки-

рюша. Настя – старшенькая, Кирюша – младшенький. Девять лет разницы в возрасте ничего не значили. Девять – любимое число Кирюши, тройственный союз мысли, тела и духа, порядок внутри порядка, девять ангельских хоров. Кирюша тоже пел в хоре – не в ангельском, конечно, а в самом обычном хоре их местного культпросвета. А потом бросил все – и хор, и училище. И родной городишко у моря, где самой большой достопримечательностью была мемориальная доска на здании больницы: *«Здесь 3—11 сентября (по старому стилю) 1915 года находился на излечении чувашский советский писатель Иоаким Максимов-Кошкинский»*.

...Он бросил все – и Настю заодно. И уехал в этот северный, бледнолицый и бесприютный город. Чтобы теперь, спустя три года, покончить жизнь самоубийством.

– Узнаете? – спросил следователь.

Что теперь делать с виноградом? И с гранатами – твоими любимыми?.. И эта полоса на шее – нет, Настин Кирюша никогда бы такого не сделал. Никогда.

– Узнаете? – Следователь начал проявлять признаки сдержанного нетерпения.

Настя отрицательно покачала головой, а потом ухватила за край каталки.

– Значит, не узнаете? А по документам значится, что это Лангер Кирилл Кириллович. Ваш брат.

Он вовремя поднес ей стакан воды, патологоанатом. Он знал, что нужно делать в таких случаях: все цепные псы у

ворот Смерти это знают. Настя застучала зубами о стакан.

– Это не мой брат. Нет. Нет... Нет...

Следователь и патологоанатом переглянулись: может быть, спирту ей в глотку? Может быть, вывести слабонервную страдальцу от греха подальше? И вообще, имеет ли какое-то отношение к душке-самоубийце эта провинциальная фря?..

– Держи ее, – процедил следователь, когда Настя потеряла сознание.

– Твою мать. Третья емкость за неделю, – процедил патологоанатом, когда стакан с остатками воды разбился вдребезги.

...Она пришла в себя на кушетке, в подсобке весельчака патологоанатома, устроившегося как раз напротив, под плакатом «SEX PISTOLS» FOREVER». От обоих подванивало формалином, а следователь (совсем уж лишний в этой келье) взирал на Настю со свирепым состраданием.

– Ну, как? Полегчало?

– Да, – соврала Настя и машинально одернула юбку.

«Напрасный труд, мадам. – Патологоанатом был прожженным циником, как и полагается его собратьям по профессии. – Никому и в голову не придет предположить, что под вашим подрясником скрывается нечто из ряда вон».

«Напрасный труд, гражданка. – Следователь был прожженным законником, как и полагается людям его профес-

сии. – Пасть жертвой статьи 131¹ УК РФ вам не светит даже при самом худшем раскладе».

– Думаю, не стоит больше...

– Стоит. – Настя уже взяла себя в руки. – Я должна...

Черт возьми, ты должна была приехать раньше, только и всего! Сразу же после его странного звонка – собраться и приехать. Не ждать, пока снимут айву, чтобы созревала на закрытой террасе. Не ждать, пока разольют по бочкам первое в этом году вино. А инжир, а варенье из розы, а сыроварня!.. Все это оказалось важнее, чем Кирюша, сунувший голову в петлю за тысячи километров от ее постылой сыроварни. И ее постылой жизни...

Теперь он лежит за стеной, с фиолетовой полосой на шее, с опущенными уголками губ, с седыми висками.

– Почему он седой? – спросила Настя у следователя.

Следователь пожал плечами.

– Ему всего-то двадцать один, – не унималась она. – Почему он седой?

– Когда вы видели брата в последний раз?

Вот он – вопрос, на который у нее никогда не было ответа!.. Она бы многое могла рассказать этому квадратному, отъевшемуся на нераскрытых заказах представителю закона, имя которого так и не смогла запомнить. О том, как Кирюша выстригал себе челку под самый корень и жег спичками ресницы, – только бы не быть таким по-девчоночьи хоро-

---

¹ Статья 131 УК РФ – изнасилование.

шеньким. О том, как он ненавидел изюм в детстве. И Зазу – в отрочестве и ранней юности (Заза – ее муж и благодетель. «До кровавых соплей благодетель», – так и сказал Кирюша перед тем, как бросить в сумку головку брынзы и яблоки. Перед тем, как бросить ее саму. И уехать в Питер)...

– Когда вы видели брата в последний раз? – снова напомнил о себе следователь.

– Три года... Три года назад.

– Стало быть, приехали в гости?

– Кирюша... Кирилл позвонил мне...

– Когда? – Снулые глаза законника оживились.

– Уж две недели будет как...

– И попросил приехать? – Следователь больше не церемонился. Впрочем, с Настей никто никогда не церемонился. – Долго же вы собирались, уважаемая.

– Он не просил приехать. – Настя сжалась, как от удара, широкие плечи вздрогнули. – Сказал только: «Если бы ты могла...»

– И что дальше?

– Ничего. Положил трубку.

– Вас разъединили?

– Нет. Не похоже, чтобы разъединили. Просто положил трубку, и все.

Веселая семейка, ничего не скажешь. Сестрица Аленушка от сохи и братец Иванушка от кокаина.

– Вы не знаете, ваш брат не употреблял наркотики? – Сле-

дователь старался не смотреть на покрасневшую Настю. – Анашу, например? У вас на юге, говорят, очень этим увлекаются? Может быть, было что-то по молодости, а?

Судя по целомудренно вспыхнувшим щекам, самым большим наркотиком в ее представлении был цейлонский чай Одесской чаеразвесочной фабрики. Со слоном. А чай следовательно не любил. Ни цейлонский, ни индийский, ни даже экзотический из Венесуэлы, от которого иногда приключались глюки. И хотелось спровадить на электрический стул половину следственного управления. Следовательно пил его только один раз, но самые зубодробительные воспоминания сохранил на всю жизнь.

– Наркотики? Кирюша?

– Именно. Кирилл Лангер.

Эта пейзажка в дешевой черной юбке, с рожей, опаленной таким же черным трудовым загаром, стала раздражать следователя, но все формальности должны быть соблюдены. Сегодня он закончит это дело (впрочем, банальное самоубийство и делом-то назвать нельзя; так, пасхальное яичко, пустячок, даже папки на него жалко) и займется наконец более серьезными вещами.

– Значит, вы не видели его три года.

– Не видела, – с готовностью подтвердила Настя.

– И чем он занимался – не имеете ни малейшего понятия.

– Не имею.

– Он звонил вам?

– Звонил... Много раз. Поздравлял с днем рождения. Потом – с Новым годом. Он всегда поздравлял с днем рождения и с Новым годом...

Зачем ты врешь, Настя? Да еще в таких подробностях. Открытка была только одна, с полустертым обратным адресом. «Счастливого Рождества». А звонков и вовсе не было. Кроме одного-единственного, совсем недавно, когда они сняли первый виноград... Что же сказал тогда Кирюша? Ага: «Если бы ты могла...» – именно так. А потом швырнул трубку на рычаг, даже не выслушав ответа. Впрочем, никто и никогда не интересовался ее ответами. И в этом нет ничего сверхъестественного, только сумасшедшему придет в голову интересоваться мнением пыльного подорожника (*plantago major* L.). Или жимолости (*Lonicera Periclimenum*). Или самого распоследнего молочая (*Euphorbia angularis* Klotz)... А ты, Настасья, обладаешь еще меньшим правом голоса, чем любой из разделов твоей обожаемой «Энциклопедии растений»...

– Ни одного праздника не пропустил, – сладко врала Настя. – И посылки присылал...

Толстогубый следователь бросил на нее полный тоски взгляд: святочные истории из жизни самоубийц его не волновали.

– Что ж, будем закругляться. Подпишите протокольчик опознания и, как говорится...

«Попутного ветра в горбатую спину», – хотел добавить он, как раз в духе цинично-разухабистого анатомического теат-

ра, но вовремя сдержался. И положил перед собой замусоленный бланк протокола.

– Фамилия, имя, отчество.

– Чьи? – испугалась Настя.

– Ваши.

– Киачели. Ударение на «е». Киачели Анастасия Кирилловна.

– Странная фамилия. – Следователь не удержался от слегка пренебрежительного комментария по поводу неправдоподобно белых Настиных волос. Уж они-то явно не имели никакого отношения к грузинским окончаниям.

– Это по мужу. – Настя потеряла обручальное кольцо, обветшалое и потускневшее от времени, и с готовностью пустилась в пояснения: – Вообще-то моя девичья фамилия – Воропаева.

– Ваш муж грузин?

– Какое это имеет значение? Хевсур...

Вот так всегда. Муж – хевсур, брат – самоубийца, только этим она и интересна. Да еще сумкой гранатов величиной с младенческую головку каждый...

– Очень хорошо. Значит, ваш брат, Лангер Кирилл Кириллович, вами опознан? – наседали следователь.

– Почему он седой? И рана на голове – откуда она? И потом еще это... Засохшая кровь возле уха, вы видели? Откуда это все?!

– Вы у меня спрашиваете?..

Настя тихо заплакала, чем окончательно вывела следователя из себя. Женским слезам он не верил, женские слезы он терпеть не мог – еще с той поры, как его супружница, наставлявшая ему рога с половиной следственного управления, была спущена с лестницы. Под аккомпанемент таких же вот беззвучных рыданий.

– Как это произошло?..

Да как обычно и происходит, гражданка Киачели. Звонок в милицию три дня назад – от обеспокоенной подружки потерпевшего: бойфренд, мол, дверь не открывает, на телефонные звонки не отвечает, а свет в его квартире подозрительно горит – и в светлое, и в темное время суток. Приехавший наряд вызвал Службу спасения, спасатели вскрыли железную дверь и обнаружили Лангера К.К., 1979 года рождения, висшим на собственном ремне в собственной ванной.

– Мрачная история, – подытожил следователь. – Сочувствую. Скажите, а ваш брат не страдал... э-э... психическими расстройствами?

И снова Настя покраснела, как будто он ляпнул что-то неприличное.

– Почему вы об этом спрашиваете?

Если бы вы только видели квартиру, которую он снимал, гражданка Киачели, все вопросы у вас бы сразу же отпали. Железная дверь с тремя замками и щеколдой (все три замка закрыты и щеколда задвинута), потеки крови на обоях – покойный коротал время за самым бесперспективным заняти-

ем: бился головой о стенку. А времени у него было вагон, судя по всему: все крупы в доме сожраны, все съестные припасы выпотрошены. Хоть шаром покати. И дурацкая надпись на оконном стекле. И божьи коровки, которыми было изрисовано все лангеровское сумасшедшее логово! Хватит и минуты для диагноза, и заморачиваться не надо.

– Обстоятельства смерти вашего брата... Они заставляют нас усомниться в его душевном здоровье.

– Не говорите ерунды. – Настя повысила голос и тут же сникла, испугавшись сама себя.

– В армии он не служил?

– Не служил. У него тяжелое заболевание почек.

– Странно, – вклинился патологоанатом. – С почками у него все в порядке, заявляю официально. И вообще, внутренние органы в идеальном состоянии. Отечественная трансплантология рыдала бы по таким запчастям.

Настя не удостоила хохмача-некрофила и взглядом.

– Где расписаться?

– Вот здесь. И здесь. У вас есть где остановиться? – Теперь, когда дело было обстряпано, следователь позволил себе намек на участие.

Пропади ты пропадом, неужели не ясно, что остановиться ей негде? Что она никогда и в глаза не видела этого одичавшего от людских толп города. Что два часа назад она впервые в жизни проехала в метро, а час назад ее впервые в жизни обхаживали в троллейбусе. И что переночевать она может

только на вокзале. Или здесь, в морге судебной экспертизы...

– Я думаю... Та квартира, в которой он жил... Я бы могла...

Следователь скучился и яростно почесал заросший кадык.

– Лично я бы вам не советовал. Место не из приятных...

– Разве я не могу там остаться?

В конце концов это проблемы гражданки Киачели. Дело закрыто, квартира, в которой обитал усопший, оперативного интереса не представляет, а возиться с этой Венерой от сохи – удовольствие ниже среднего...

– Можете. За квартиру эту вроде уплачено за полгода вперед, хозяева живут где-то в Псковской области, сюда не приезжают. Думаю, никаких проблем с этим не будет. Только сначала заедем в управление.

– Зачем? – Губы у Насти мелко затряслись, и она снова зарыдала.

И снова стала подозрительно смахивать на бывшую супругу следователя, записную нимфоманку.

– Заберете кое-какие вещи покойного. И ключ от квартиры.

– А когда я смогу забрать брата?

– Собираетесь везти тело на историческую родину? – Чертов патологоанатом, развращенный упоительной и такой безнаказанной близостью к смерти, снова подначил Настю. – Дешевле здесь все устроить, честное слово. У нас и кремато-

рий есть вполне сносный. И колумбарий при нем уютнейший...

Следователь закашлялся: за пять лет совместной работы он так и не смог привыкнуть к дешевым шуточкам трупореза. Подобные шуточки приводили безутешных родственников в неистовство, они писали жалобы начальству патологоанатома, хотя (с тем же успехом) можно было писать жалобы и господу богу. Патологоанатом прочно удерживал позиции в морге, он пережил здесь всех, включая уборщицу и заведующего – третьего за последние полтора года.

– Нам пора. – Следователь еще раз сверился с листком протокола и посмотрел на Настю: – Нам пора, Настасья Кирилловна.

Симментальская корова в черной юбке даже возразить не посмела. И покорно поплелась за следователем.

...Патологоанатом нагнал их у самого выхода и бесцеремонно ухватил Настю за руку.

– Простите, пожалуйста... Вы не страдаете аллергией?

– Да... – Настя удивленно подняла выгоревшие брови. – Откуда вы узнали? На крыжовник...

* * *

...Записная книжка, портмоне со смехотворной суммой в тринадцать рублей сорок шесть копеек и ключи – вот и все, что досталось ей в наследство от Кирюши. Плюс листок с

описью – чтобы не заблудиться в квартире брата на первых порах.

– Он не оставил никакой записки? – вежливо спросила Настя у следователя.

– Записки?

– Когда кончают с собой, то обычно оставляют записки. – Господи, неужели это говорит она, и к тому же таким казенным и безразличным голосом? – Вы следователь, вы должны знать. «В моей смерти прошу никого не винить...» Или что-нибудь в этом роде...

– Нет. Никаких записок не было.

– Я знаю Кирюшу. Он просто не мог покончить с собой.

– Вы не видели его несколько лет.

– Это ничего не меняет. Я никогда не поверю, что мой брат...

– Дело закрыто. И поверить вам придется.

Настя перевела дух. Дело закрыто, и бессмысленно что-то доказывать этому человеку. Человеку из Большого Города. А Кирюша был Человеком из Маленького Городка. В маленьких городках совсем другие отношения со смертью. Гораздо более почтительные. Никто не станет ломиться к ней без спроса.

– Вы говорили что-то о его знакомой... Которая позвонила в милицию. Я могу поговорить с ней?

Следователь скептически осмотрел Настю с головы до ног: к черной, уже намозолившей глаза юбке был пристегнут

такой же черный мешковатый свитер. Поношенная куртка из кожзама и темный платок дополняли картину. Вряд ли подружка самоубийцы захочет встречаться с его сестрой, хотя и она тоже была в черном. Но это был совсем другой черный цвет.

Стильный черный.

Подружка самоубийцы пользовала духи «Magie Noire»² и подкрашивала губы радикальной помадой «Das Schwarze Perle»³. Подружка самоубийцы была с ног до головы увешана шайтанским агатом, косящим под черный опал (продвинутые кольца без оправы для камня и такие же продвинутые кулоны). Подружка самоубийцы отрекомендовалась идиотским и явно где-то украденным именем «Мицуко», сразу же попросилась в «дабл» (он же сортир при ближайшем рассмотрении). А потом всю дорогу донимала следователя ею же самой изобретенной присказкой «o'key-dokey».

И даже не всплакнула над бездыханным телом любовничка.

– ...Я могу поговорить с ней? – Настя снова напомнила следователю о своем существовании.

– Не думаю, что это прояснит ситуацию... Но если хотите...

– Как с ней связаться?

«Возле урны с прахом и свяжешься», – хотел было сказать

---

² «Черная магия».

³ «Черная жемчужина».

следователь – как раз в духе патологоанатома, – но вовремя сдержался, сердобольный придурок. Впрочем, в Управлении его так и называли – «Забелин – сердобольный придурок».

Кроме портмоне, записной книжки и ключей от квартиры, Настя получила еще и сопровождающего – стажера с сомнительной фамилией Пацюк. Управленческие шутники отрывались на Пацюке по самые гланды, они преуспели в интерпретациях: за месяц Пацюк побывал и «Поциком» (с ударением на ехидно-непристойном «О»), и «Поссюком», и «Писсюком», – пока секретарша районного прокурора Оксана, имеющая кровных родственников где-то под Тернополем, не сообщила, что «Пацюк» переводится с хохлацкого как «крыса».

Тут-то и начался очередной виток пацюковских мучений. Ладно бы только крыса, это еще можно пережить, так ведь еще и хохол!..

Но Пацюк плевать хотел на все эти хихоньки-хахоньки и глубокомысленные замечания в курилке о пользе украинского сала для молодого растущего организма. Напротив, он собирался пустить в Управлении корни и со временем занять в нем видное место. И уже не сходя с этого места, заняться протухшими «глухарями», коих в Управлении набрался не один десяток. Кроме того, Пацюк читал по ночам «Практическую психологию» и изысканные малостраничные японские детективы. И был уверен, что нераскрываемых преступлений не существует.

Именно Пацюка, этого недобитого адепта Эдогавы Рампо⁴, и пристегнули к Забелину. И к забелинским делам, где, кроме серьезного двойного убийства на Наличной, полусерьезного несчастного случая с крупным бизнесменом, выпавшим из окна, и совсем уж несерьезной коммунальной поножовщины на набережной Макарова, а также прочей бескровной шелухи, значилось еще и самоубийство К. К. Лангера.

Пацюк имел неосторожность выехать на место происшествия вместе со следственной группой – и тут же был сражен наповал утонченной красотой приятельницы покойного. Впрочем, поговорить с ней стажеру не удалось. Дело было настолько явным, что следственная группа, пробежав галопом по квартире сумасшедшего, свернула работу в рекордно короткие сроки. Паспортные данные самоубийцы, паспортные данные соседей, паспортные данные (вдох-выдох, выдох-вдох!) черноволосого ангела. Впрочем, паспортные данные его не интересовали. Куда больше его заинтересовало имя, на которое ангел откликался.

Мицуко.

В этом было что-то смертоубийственно-японское.

Нет, японкой она не была, черта с два, но этот черный макияж, этот длиннющий и почти девственно-чистый плащ, который оказался не по зубам питерской грязи, сигарета «Могe», небрежно сжатая губами!.. Было от чего прийти в

---

⁴ Эдогава Рампо (1894–1965) – японский писатель, автор детективов.

возбуждение.

Самоубийцу Пацюк так и не увидел – его сняли с трубы в ванной и упаковали в черный пластиковый мешок без непосредственного участия стажера. Да и что могло значить какое-то вшивое самоубийство, если на кухне снимали показания с самого прелестного существа, которое только можно себе вообразить! А этот бесчувственный хрен Забелин разговаривал с этим существом так, как будто оно было последней судомойкой, последней официанткой или (господи, прости!) последней шлюхой, которой достаются самые невыгодные и плохо освещенные места на панели!..

Пацюку потребовалось совсем немного времени, чтобы спечься от внезапно вспыхнувшей страсти, – и к тому моменту, когда Мицуко, надув глуповато-черные губки, подписывала протокол, он был уже готов. Хорошо прожарен и приправлен специями. Но подойти к предмету вожеления так и не решился. Во-первых, он был всего лишь жалким стажером, то есть промежуточным звеном между листком протокола и служебно-разыскной собакой. Во-вторых, жалкая куртка и такие же жалкие неначищенные ботинки!.. В-третьих, четвертых, пятых... Добравшись до десятого пункта, Пацюк понял, что никаких шансов у него нет. Во всяком случае – пока.

Дело быстро прихлопнули, как назойливую муху. А протокол, подписанный Мицуко (о папирусе фараона, о Священное Писание!), был подколот к еще нескольким листкам, за-

ключен в папку и похоронен в сейфе Забелина. Чуть позже Пацюку удалось выудить адрес черной, как вороново крыло, дивы, но дальше дело не пошло. У стажера не было никакого повода вновь побеспокоить красотку! Не помогла даже «Практическая психология», не говоря уже об Эдогаве Рампо. И Пацюк подленько отвернулся от своего недавнего кумира и перекочевал на страницы средневековой любовной лирики – конечно же, японской.

Он засыпал под утро с томиком какого-нибудь Хаттори Рансэцу⁵ на груди, – но даже во сне его преследовала чертова Мицуко в одном лишь чулочном поясе. Пацюк почему-то свято верил, что женщины, подобные Мицуко, обязательно носят чулки. В его не замутненных жизненными реалиями представлениях чулки были высшим проявлением сексапильности и – страшно подумать! – женского эротизма.

В мучениях безответной и совершенно бесперспективной любви прошло три дня. Пацюк потерял всякий интерес к делам Управления, он даже забросил графическую схему двойного убийства на Наличной, которую усердно вычерчивал на протяжении двух последних недель. И принялся за новую схему – ненавязчивого знакомства с Мицуко. Но схема не вытанцовывалась. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент появился свет в конце тоннеля!

Свет этот возник внезапно, и исходил он от робкой тетехи в черном, которую Забелин приволок в их кабинет на исходе

---

⁵ Хаттори Рансэцу (1654–1707) – японский поэт.

рабочего дня – третьего по счету с момента появления Мицуко в жизни стажера. Поначалу Пацюк не вслушивался в их разговор, но упоминание о Кирилле Лангере заставило его насторожиться. Спустя несколько минут все прояснилось.

Тетеха в черном оказалась родной сестрой покойного! Она приехала откуда-то из Тмутаракани, все время одергивала юбочку и никак не могла поверить в самоубийство брата. Но главным оказалось совсем другое – мадам настаивала на встрече с его подругой.

На встрече с Мицуко!

Пацюк едва не упал со стула. А над головой нескладной провинциальной сестры покойного вдруг возник нимб. Вот именно нимб. Эта святая приведет его напрямик к такому невыразимо прекрасному японскому имени! Повод – самый невинный. Он станет наперсником, он будет сопровождать эту деревенщину, которая, судя по всему, и двух слов связать не может.

Забелин, даже не подозревавший о буре чувств в груди стажера, вручил сестре удушенного Кирилла Лангера кое-какие вещички и ключ от его квартиры. С последним вышла заминка: следователь начал путано объяснять тетехе, как добраться до Второй линии, а та никак не могла взять в голову, что улица именно так и называется: «Вторая линия».

– Вторая линия чего? – кротко спросила она, глядя на Забелина такими же кроткими глазами.

– Вторая линия Васильевского острова. – Следовательно,

очевидно, решил посоревноваться в кротости с придурочной сестрой.

– А улицы на этой линии есть?

– Есть. Вторая линия и есть название улицы. Вторая линия, дом 13, квартира 13.

– Но...

Вот он и наступил – звездный час Пацюка! Задержав дыхание, он встал со стула и самым независимым голосом произнес:

– Если не возражаете, шеф, я могу проводить... нашу гостью.

– Очень меня обяжешь. – Забелин посмотрел на стажера с суровой отцовской нежностью. – Вы как, Настасья Кирилловна, не возражаете, если наш сотрудник вас проводит?

– Нет, – тетеха покраснела. – Я буду очень рада...

«А уж как я буду рад, – подумал Пацюк. – Особенно когда придет время представить тебя моей очаровательной луноликой, солнцеподобной красотке!»

– Вот, возьмите... – Черносотенная (если исходить из прикида) мадам как будто что-то вспомнила. – Я Кириллу везла... Но ему теперь не понадобится.

И вынула из сумки несколько огромных гранатов – каждый величиной с прокурорское пресс-папье.

– Да что вы! – сразу же засмутился следователь, постоянно находящийся под дамокловым мечом статьи № 290 УК РФ: «получение взятки должностным лицом». – Не стоит,

право...

– Берите, берите... Это наши, вознесенские. Из собственного сада.

После минутных прений гранаты рухнули в пропасть рабочего стола Забелина, а Пацюк подхватил мадам под руку. Хотя какая уж там «мадам», так, перепуганная, ушибленная страшной вестью девчонка. Даром что обручальное кольцо въелось в палец и потускнело от времени.

После того как девчонка скрылась за дверью, Забелин придержал ретивого стажера.

– Ты уж смотри поаккуратнее с ней. Сам понимаешь.

– Все будет в порядке, шеф.

– Останься с ней на некоторое время, если будет нужно.

– О чем разговор!

– Чертова квартира... Там и у нормального человека крышу снесет. А здесь... С кем мы имеем дело здесь?

– С кем? – с готовностью переспросил Пацюк.

– С крестьянкой, Пацюк. С крестьянкой. А подобные квартиры не для их слабого деревенского менталитета... Будет потом всю жизнь ужасы детям на полатах рассказывать. Так что ты уж поддержи ее, если что.

– O'key-dokey! – ляпнул Пацюк Забелину и даже затряс головой от навалившегося на него ощущения полноты бытия.

«O'key-dokey» – это было ее, Мицуко, выражение, случайно подслушанное Пацюком. Забавное, трогательно-наивное

и, несомненно, пригодное для всех случаев жизни. А с каким неподражаемым изяществом артикулировал ее рот!.. Пацюк столько раз примерял эту лексическую несуразицу «o'key-dokey» на себя, и вот наконец-то подоспел момент произнести ее вслух.

Неплохо получилось. И главное – в масть.

– Ты что сказал? – сразу же насторожился Забелин. – Где-то я уже слышал эту бредятину...

– В боевичках американских и слышали. Где мировое зло падает с дыркой во лбу и погибает. И все. O'key-dokey. Смотрите лучше мексиканские сериалы, шеф.

После такого напутствия Пацюк прыгнул за дверь и сразу же оказался в опасной близости к женщине в черном. От нее пахло перебродившим вином и козьим сыром. И это сразу же вдохновило Пацюка.

– Как вас зовут? – вежливо спросил он.

– Настя...

– А меня – Георгий Вениаминович. Но можно просто – Егор.

– Нам далеко ехать? – Она совершенно не знала, о чем с ним говорить. И главное – *как*.

– Здесь рядом. К тому же у меня машина, Настя.

Ну, машина – это было громко сказано. Вот уже несколько лет Пацюк являлся несчастным обладателем такой же несчастной и вечно простуженной «бээмвухи». «Бээмвуха» ломалась с периодичностью раз в три дня и будоражила

окрестности пробитым глушаком. В такую развалину Мицу-ко не сядет даже под страхом харакири. Но на сельскую жительницу пацюковское сокровище произвело неизгладимое впечатление.

– Это ваша машина? Красивая... – только и смогла выговорить Настя, с почтением взглянув на Пацюка.

Еще бы не красивая, если учесть, что явилась ты из мест, где самым современным средством передвижения является какой-нибудь завалященький сивый мерин. Или трактор «Кировец» на худой конец.

Стажер открыл переднюю пассажирскую дверь и водрузил оробевшую Настю на сиденье. Движок, как обычно, захрюкал только спустя три минуты.

– Ну и как вам Питер? – спросил Пацюк, трогая машину с места.

– Еще не знаю, – вежливо ответила Настя и так же вежливо заплакала. – Я только в метро была. В морге и в метро.

Пацюк прикусил блудливый, не ко времени настроившийся на игривый тон язык.

– Ужасная история. Примите соболезнования, Настя...

– Спасибо. Вы ведь тоже занимаетесь этим делом?

– В некотором роде...

– И вы тоже верите в то, что мой брат покончил с собой?

Ежу понятно, что покончил. На этот счет у Пацюка была собственная теория. Кирилл Лангер затянул удавку на шее собственными руками и – почти наверняка – сделал это от

неразделенной любви.

К Мицуко.

Женщины, подобные Мицуко, были призваны для того, чтобы косить налево и направо мужское поголовье. Обладать ими было невозможно, не обладать – тоже. Оставалось только либо отойти в сторону и отказаться от мысли приручить богиню. Либо – сгореть в топке порочных страстей. Ухватив лишь напоследок лакомого женского мяса. Поцеловав лишь краешек платья.

Судя по всему, Кирилл Лангер выбрал второй путь. И бредовая надпись на окне тому свидетельство. Любовь Лангера к Мицуко была любовью несчастной. Во всяком случае – неразделенной. Иначе его подруга вела бы себя совсем по-другому. А Мицуко оказалась совершенно равнодушной – и к телу самоубийцы, и к самому факту самоубийства. С очаровательной детской улыбкой подписала протокол – и только ее и видели...

– Следствие располагает неопровержимыми доказательствами, – пробубнил Пацюк. – И мы с вами ничего изменить не можем. Так что придется принять сей факт как данность.

– Мне сказали, что в милицию позвонила его подруга.

– Да, – Пацюк едва справился с волнением. – Вы правы. Его... подруга.

– А я могу с ней увидеться?

– Думаю, вам необходимо с ней увидеться, – он сделал ударение на слове «необходимо». – Если хотите, я устрою...

Побеседуйте с ней в неформальной обстановке.

– Спасибо... Большое спасибо... А когда?

«Да хоть сейчас», – едва не прокололся Пацюк и лишь в последний момент удержался от подобной глупости.

– Я дам вам номер телефона. Позвоните ей.

– А... это удобно?

– Конечно, – с неподдельным жаром воскликнул стажер. – А я отвезу вас на встречу...

– Я и так отнимаю у вас много времени, – совсем не к месту заартачилась сельская тетеха. – Я бы могла и сама...

– Что вы! Мне совсем не трудно... Вот мы и приехали.

Ржавый пацюковский кабриолет затормозил у мрачного семиэтажного дома с одинокой парадной, выходящей прямо на линию. Высунувшись из машины, Настя задрала голову и несколько минут разглядывала облупившийся модерн начала века.

– Здесь он жил? – благоговейным шепотом спросила она.

– Да. Именно здесь он и жил, – подтвердил Пацюк. – Квартира на верхнем этаже. Место, конечно, радужных мыслей не навевает...

– Что-то мне нехорошо, – вдруг запричитала Настя, а ее неожиданный покровитель нахмурился.

Недоставало еще, чтобы эту непуганую цесарку хватил кондратий – и тогда прости-прощай Мицуко, прости-прощай родинка на ее правой щеке, прости-прощай шикарный повод...

– Если хотите, можно остановиться у меня, – нашелся Пацюк.

Настя закусила губу, раздумывая над неожиданным предложением.

– Я живу один, так что вы меня не стесните...

– Один? – Настя вспыхнула так, будто он предложил ей мзду за секс-услуги. – Что вы... Идемте...

...Квартира номер тринадцать находилась на последнем этаже, куда Пацюка и Настю доставил лифт, не отремонтировавшийся, должно быть, со времен гибели в заливе Чемульпо крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Лифт орал благим матом и лязгал всеми своими стальными конструкциями, чем окончательно доконал простодушную Настю. Она побледнела и впилась ногтями в локоть провожающего.

«Еще стошнит беднягу», – подумал тот и невольно отодвинулся.

Но, несмотря ни на что, они доползли до седьмого этажа без всяких приключений. Вывалившись из кабины, Настя перевела дух и уперлась взглядом в дверь, единственную на площадке.

– Это она, – отрекомендовал дверь Пацюк. – Квартира, где обитал ваш брат.

Полоска бумаги с суровыми чернильными разводами и такой же суровой пломбой (дверь опечатывал лично Забелин в его, Пацюка, присутствии) произвела на сестру Кирилла

Лангера удручающее впечатление. Она снова затряслась и снова вцепилась в локоть стажера.

– Может быть, спустимся вниз?

– Нет, – Настя протянула ему ключ. – Откройте, пожалуйста. Я не могу сама...

– Понятно.

Пацюк вынул длиннющую кочергу с затейливой бородкой из рук Насти и направился к двери. И только теперь увидел, что печать на двери сломана, а бумажка держится на честном слове – вернее, на чьих-то слюнях. Или соплях.

– Что за черт! – пробормотал он.

– Что-нибудь случилось? – откликнулась Настя.

– Нет, ничего...

Действительно ничего. Кто бы ни ошивался у квартиры номер тринадцать, кто бы ни ломился в нее – теперь это не имело никакого значения. В свете безобидного самоубийства.

И все же, все же...

Пацюк отогнул бумажку – на обратной стороне ясно просматривалась черная короткая полоса. А в воздухе... Пацюк мог бы поклясться, что в воздухе был разлит едва уловимый аромат «Magie Noire»!

– Открывайте же, – поторопила его Настя.

– Сейчас. – Пацюк аккуратно снял полоску с куском поврежденной пломбы, сунул ее в карман и вставил ключ в замок. – Изнутри вам, конечно, лучше закрываться на англий-

ский... А этот ключ используйте, только когда выходите куда-нибудь...

– Открывайте!

Через секунду он широко распахнул дверь.

– Прощу, – только и успел вымолвить он, когда Настя, едва не опрокинув его, бросилась в квартиру и исчезла в темноте коридора...

* * *

...Долговязый парень из страшного, как тьма египетская, и недостижимого, как почившее в бозе Политбюро, Следственного управления ушел час назад, оставив Настю одну.

Одну – наедине с Кирюшиным сумасшествием.

Каждый угол в окаянной квартире был пропитан этим сумасшествием, и почти каждая вещь носила его отпечаток. Оно начало проявляться не сразу, а постепенно, как проявляются фотографии в копеечных кюветках (в детстве Кирюша тоже увлекался фотографией).

А поначалу...

Поначалу квартира даже понравилась ей. Просторная комната и кухня со скошенным потолком: окно кухни выходило на соседнюю крышу, на целый выводок крыш, подпирающих низкое небо. А вот комната... Единственное ее окно хмуро глазело на стену соседнего дома. Настя прикинула расстояние до стены – метра два с половиной – три, не боль-

ше. Но не это поразило ее, а надпись на стекле:

«GOOD-BYE, LADY-BIRD».

Почерк был Кирюшин. Вне всякого сомнения. Она узнала бы его из тысяч других. Нетерпеливые, подталкивающие друг друга буквы, заносчивые гласные и поникшие согласные. Фраза была выведена белилами прямо на стекле, но предназначалась она не тем, кто рано или поздно войдет в квартиру, чтобы вынуть Кирюшу из петли. Она предназначалась улице, небу, стене напротив. И все потому, что была написана задом наперед, в зеркальном отображении.

– Что это значит? – едва придя в себя, спросила Настя у Пацюка. Он стоял перед ней на коленях и держал ватку с нашатырем.

– Должно быть, предсмертная записка вашего брата. – Стажер наконец-то отнял от ее носа нашатырь. – Ведь это он написал?

– Он...

– Вот видите.

– Это ведь английский, да?

– Английский. Вам перевести?

– Если можно. Английского я не знаю.

– Прощай, девушка-птица, – с выражением прочел Пацюк. И, не удержавшись, добавил: – По-моему, очень романтично...

– А кто это – девушка-птица? Та, что позвонила в милицию?

Настина приземленность не понравилась влюбленному стажеру, и он смешно сморщил нос.

– Возможно.

– Так это он из-за нее такое с собой сотворил?

– Не думаю. – Насте даже показалось, что парень обиделся. – Во всяком случае, ничто на это не указывает. Ее имени он не называет. Да вы поговорите с ней, может быть, что-нибудь прояснится.

– Я поговорю...

Отлепившись от Пацюка, Настя начала свое тягостное путешествие по комнате.

Напротив окна с испугавшей ее надписью стояла широкая низкая кровать со сбитым в ком бельем. Настя помяла в руках кончик простыни: ткань была добротная и явно дорогая. На таком белье никогда не спят супруги, осточертевшие друг другу под завязку.

Только – страстные любовники в период их первых ночей.

Настя тяжело вздохнула: никогда, никогда у нее не будет такого белья... Никогда она не расстелет его и не погрузит в него чисто вымытое тело. Разве что зугдидские или цхалтубские родственники Зазы – только они могут рассчитывать на подобную шелковую роскошь в гостевой половине дома...

– Неплохо жил ваш братец, а? – совсем не к месту сказал Пацюк.

Настя оставила его замечание без ответа, опустила на колени и заглянула под кровать: куча окурков и пустых бу-

тылок с самыми разными этикетками. Спиртное. Странно: когда Кирюша уезжал из дому, он не брал в рот ничего крепче кефира. А всего-то три года прошло!.. Впрочем, кто знает эти Большие Города? В них время идет совсем по-другому.

Мебели в комнате, если не считать кровати и низкого журнального столика, почти не было. Не было в ней и вещей. Только огромный плоский телевизор с разбитым экраном в комплекте с видеомагнитофоном и уйма кассет. Кассеты стояли стопками и валялись просто так. И еще – музыкальный центр, находившийся в таком же плачевном состоянии, что и телевизор. Было похоже, что кто-то сознательно, с остервенением и сладострастием уничтожал дорогую технику. Кто-то...

Наверняка это сделал сам Кирюша. И почему он не вернулся домой, бедняжка?

Настя подняла пару пепельниц с засыпанного пеплом и всего в пятнах ковра и направилась к выходу из комнаты. И только у самой двери обернулась.

– А что это там нарисовано?

Пацюк тяжело вздохнул. Когда-то лихо подогнанные под евростандарт стены были испохаблены множеством рисунков. Вернее, рисунок был один, но постоянно повторяющийся: *божья коровка*. Сколько их было, маленьких и больших изображений? Сто, триста, пятьсот?.. Даже если она сосчитает их, – Кирюшу все равно не вернешь.

– Что это? – еще раз переспросила Настя.

Пацюк вздохнул: диагноз налицо.

– Вы не знаете, почему именно божья коровка? – запоздало спросил он.

Настя пожала плечами. В детстве брат, как и все мальчишки, обожал лошадей и собак и даже разводил меченосцев в крошечном круглом аквариуме... Но божья коровка!

– Вы не в курсе, чем он занимался в последнее время? – спросил у Насти стажер, увязавшийся за ней на кухню.

Настя вытряхнула пепельницы в мусорное ведро и принялась с остервенением их мыть.

– Так вы не в курсе? – продолжал насеждать Пацюк.

– Я не знаю... Мы не виделись три года... Тогда он был студентом культпросветучилища.

– А потом?

– Он почти не звонил. – Если следователю Настя соврала, то от сопровождающего решила отделаться полуправдой.

– Да... – Пацюк закатил глаза. – Время такое. Все связи рвутся. Тем более – родственные...

– А разве вы не установили, где он работал?

Впрочем, глядя на кислую физиономию Пацюка, она уже предчувствовала ответ – нет, не установили.

– А его подруга? Разве она не знала?

– Смекаете, – поощрил Настю стажер. – Вам нужно работать в органах. А насчет его подруги... Она этого не знала... Да ее и не особенно трясли. И никого не трясли. Случай-то ясный.

Настя намертво завинтила кран: «ясный случай», с которым никто не хотел возиться, произошел с ее младшим братом. Любимым и погибшим.

– Ну все, – сказала она. – Я уже здесь освоилась. Спасибо вам.

Это был прозрачный намек, и Пацюк его понял.

– Уже ухожу. Если что – звоните.

Он вынул из нагрудного кармана пиджака ручку и что-то нацарапал на обоях у двери.

– Это мой домашний. Или нет... – Он неожиданно передумал. – Я сам вам позвоню. Завтра с утра. Часов в одиннадцать. Ничего?

– Ничего.

Когда Настя вернулась в комнату, Пацюк застенчиво перерывал стопку с видеокассетами.

– Вы не возражаете, если я возьму несколько?

Чужие люди роются чужими руками в Кирюшиных вещах... Да еще собираются умыкнуть их самым наглым образом!..

– Не возражаю, – только и смогла выговорить Настя.

– Вот. Четыре штуки. Завтра принесу. Спокойной ночи. Приятно было с вами познакомиться. И до завтра...

...Когда за стажером захлопнулась дверь, Настя опустилась на краешек кровати. Как же она устала! А как мечтала приехать к брату! Все эти три года. И вот она здесь, а Кирюши нет. И никогда больше не будет. Есть дурацкие подуш-

ки и дурацкое видео, дурацкие кассеты и дурацкие пепельницы, а Кирюши нет. Все эти вещи, сиюминутные и непрочные, равнодушно пережили своего хозяина. И теперь так же равнодушно взирают на Настю.

Нет. Плакать она больше не может.

И почему только она не настояла на том, чтобы сына назвали Кириллом? Ведь она хотела, а Заза решил – Илико. И мальчика назвали этим именем, и многочисленная родня Зазы – зугдидская и цхалтубская – очень этому радовалась. А у Насти не было никакой родни, кроме Кирюши. Да и сам Илико никогда не принадлежал ей по-настоящему. Он был сыном своего отца, Зазы.

Настя вытащила из потертой сумочки кошелек: в большом отделении лежала одна большая фотография, склеенная из двух маленьких: Кирилл и Илико. На фотографии им обоим было по восемь. Два маленьких восьмилетних мальчика, между которыми нет ничего общего. Сейчас Илико двенадцать, почти взрослый, похожий на настоящего хевсура. На Зазу.

...Настя вышла замуж, когда ей едва исполнилось семнадцать. Нет, не вышла, – бросилась, как в омут с головой, так будет вернее. За первого встречного, а им оказался Заза Киа-чели. Он был вдвое старше ее, но на это можно было закрыть глаза. Вот она и закрыла. И свою первую брачную ночь тоже провела зажмурившись. От Зазы пахло крепким потом и крепким хозяйством, он не тратил время на нежность. Какая

уж тут нежность, если на тебе веригами висят виноградник и сыроварня. И с десятков инжирных деревьев.

Заза Киачели появился в пыльном городишке у моря за год до появления на свет Кирюши. Насте тогда было восемь: девочка с косичками и вечно разбитыми коленками. И пока она подрастала, подрастал и дом Зазы – на южной оконечности Вознесенского, у скал, лицом к морю. Он завершил строительство в тот год, когда погиб их отец. И посватался к Насте в год, когда умерла их мать.

Настя до сих пор помнила день сватовства во всех подробностях: было самое начало ноября, она только что привела из продленки Кирюшу и чистила картошку на ужин. Картошки оставалось не так уж много, а мамину пенсию по утрате кормильца они бездарно профукали в луна-парке областного центра, куда ездили в воскресенье. Теперь сахарная вата и низкорослые (кустарного производства) американские горки вылезали им боком.

Тогда-то в квартире и раздался звонок. Настя пошла открывать и страшно удивилась, увидев на пороге Зазу. До этого она встречалась с ним лишь три раза: на похоронах отца, на похоронах матери (Заза здорово помог им, дал денег на поминки. Он всегда принимал самое деятельное участие во всех свадьбах и похоронах). Третий раз она встретила его совершенно случайно – на базарчике, когда покупала селедку. Заза помог ей выбрать селедку покрупнее и пожирнее, заплатил за покупку и даже попытался всучить ей сто руб-

лей. Большие по тем временам деньги!

– Бедным сиротам, – сказал он с неподдельным сочувствием, неподдельно коверкая русские слова.

Настя оскорбилась и швырнула бумажку в заросшее лицо Зазы. Она отхлестала бы его и селедочным хвостом, если бы не боялась за последствия. Уже вдогонку ей полетели слова Зазы – то ли восхищенные, то ли осуждающие:

– Гордая. Прямо грузинка...

И вот теперь Заза стоял на пороге с кувшином в руках и большой корзиной: поздний виноград и гранаты.

– Я войду? – спросил он и, не дожидаясь ответа, отодвинул ее литым плечом и прошел в квартиру.

Настя, холодея от ужаса, проследовала за ним.

Грузин расположился на кухне, по-хозяйски достал из шкафчика три стакана и кивнул ей:

– Зови брата.

Но звать Кирюшу не пришлось: он пришел сам, вцепился в дверной косяк и теперь исподлобья взирал на чужого черного дядьку.

– Гамарджос, – по-волчьи оскалив сахарно-белые клыки, поприветствовал Кирюшу гость. – Ну, давай знакомиться. Я – дядя Заза.

– Я знаю. – Кирюша не испугался волчьего оскала, он никогда ничего не боялся. Не то что трусиха-сестра. – Вы грузин.

– Хевсур, – поправил Кирюшу Заза и разлил по стаканам

вино. И снова обратился к Насте: – Вино – мое, дэвочка. Фрукты тоже мои.

Настя хотела было убрать третий стакан, но Заза остановил ее.

– Пусть он тоже выпьет.

– Он ребенок... Ему только восемь лет...

– Он мужчина, – веско сказал Заза. – Пусть выпьет чуть-чуть.

Возражать Настя не решилась. Она никогда никому не возражала.

После нескольких глотков Кирюша был отправлен в комнату, а Заза, постоянно сбиваясь на грузинский, приступил к изложению своей просьбы.

Он просил Настю стать его женой.

Он говорил медленно, ворочая слова, как куски туфа, из которых был построен его дом. Посуди сама, гогония⁶, дэвочка, вы одни, я тоже один... Время сейчас волчье, немудрено и пропасть... А со мной вам будет хорошо. Ты мне нравишься, и брата твоего я не обижу, клянусь господом. Если согласишься и останешься с Зазой – никогда не узнаешь, что такое горэ... Что такое бэда. Я сам рос без матери, знаю, что это такое. А брату твоему еще выучиться надо. И на ноги встать. Потянешь ты это или нет, сладкая моя?..

То ли вино оказалось слишком крепким, то ли гранаты слишком сладкими, то ли их неприкаянное будущее выри-

---

⁶ Девочка (груз.).

совывалось слишком уж беспросветным, но...

Через месяц Настя уже носила фамилию Киачели.

Она бросила выпускной класс (на этом мягко настоял Заза), забрала из старого родительского гнезда семейный альбом и любимую мамину вазочку. (Ничего другого Заза брать не разрешил: «Ты приходишь к мужчине, девочка, и отныне только он будет о тебе заботиться. Только он и никто другой».) И вместе с Кирюшей поселилась в трехэтажном доме у скал.

Дом Зазы Киачели испугал Настю своим мрачным величием. Настоящий замок Синей Бороды – эта сказка была кошмаром ее детства. А вот Кирюша относился к сказочке скептически и потому оказался первым, кто облазил дом сверху донизу. Никаких потайных страшных комнат в туфовом особняке не было, если не считать кладовки, наполненной тыквами и садовым инструментом.

Настя научилась готовить лобио, сациви и ткемали, подвязывать лозу и жарить сулугуни. В сентябре они собрали первый виноград. В конце октября сняли груши сорта «Любимица Клаппа». В ноябре – закрыли новые теплицы.

А в декабре появился на свет Илико.

Тогда-то и пожаловала родня Зазы – зугдидская и цхалтубская.

Рождение мальчика примирило родню с самим Зазой, сдуру женившимся на русской. Заза плакал, родня пила вино и сотрясала стены дома грузинским многоголосием. Че-

го только не подарила Илико «эртсхали дземби»⁷ в первый месяц жизни! Перанги и шарвали, расшитые золотой нитью, кинжалы с накладками из драгоценного металла и даже башлык... В саду был торжественно зарыт кувшин с мукузани – его полагалось выпить на совершеннолетие Илико.

Настю тоже не забыли: в память о бурных семейных торжествах у нее осталось кольцо и пара серег. Фамильных, от прабабушки Зазы, жены священника из Самтредиа. Бесмысленный подарок – Настя никогда не любила массивных камней. Да и где в них красоваться? Не перед козами же, не перед семенными огурцами... Этого не оценит даже кахетинский Мцване⁸ – король виноградника, привезенный Зазой из Грузии и неплохо прижившийся на каменистой, хорошо прогретой почве...

Да, черт возьми, их виноград был самым лучшим. Их помидоры были самыми красными. Их айва была самой терпкой. Их теплицы – самыми богатыми.

И сын – конечно же, их сын тоже оказался самым-самым. Как получилось, что Заза сразу же отстранил Настю от Илико? Да и что она могла дать мальчику – сама восемнадцатилетняя девчонка? Этот мир создан для него, говаривал Заза, укачивая сына на руках. А если нет – придется создавать новый. Шить на вырост.

Ей оставалось только одно: кормежка и стирка. Даже ука-

---

⁷ «Большая семья» (груз.).

⁸ Сорт винограда.

чивал мальчика Заза. Ранний вечер – это было священное для обоих время. Они лепетали на своем далеком птичьем грузинском – отец и сын. Они даже смеялись на грузинском. Настя же так и не смогла выучить ни слова. Или не захотела?

В какой-то момент она вообще перестала разговаривать. Она растворилась в огромном, хорошо отлаженном хозяйстве. От земли, в которой она постоянно возилась, исходил покой, которого ей так не доставало. Она чувствовала себя своей среди побеленных деревьев и грядок с кинзой и укропом, она могла наорать на разросшийся куст малины и рыдать над трупиками салатных перчиков, побитых градом. Она ухаживала за виноградником так, как ухаживала бы за Илико (о, если бы только Заза ей позволил!). Она смирилась с мужской реальностью, в которой ей не было места.

А вот Кирилл так и не смирился.

Он слишком рано повзрослел и сразу же отказался впрягаться в арбу домашнего хозяйства. Он приходил домой только на ночь. А потом и вообще перестал приходить. Однажды (сколько же ему было тогда? пятнадцать? шестнадцать?) он застал ее на веранде. Настя шелушила кукурузу. Кирилл присел на краешек скамьи и долго наблюдал за ней. Так долго, что она, оторвавшись от своих обожаемых початков, наконец-то заметила его.

– Ты чего? – спросила она.

– Смотрю. Когда же ты, наконец, окончательно превратишься...

– В кого? – удивилась она.

– В растение. Так и будешь всю жизнь рыться в перегное? Стоять раком и выкорчевывать сорняки?

– Зачем ты так? – Ей совсем не хотелось ссориться с Кирюшей.

– А ты зачем? Давай хорони себя дальше. А твой муженек споет «Сулико» на твоей могилке. Да еще лезгинку отчебучит.

– Как ты можешь так говорить? – испуганно зашептала она. – Заза – наш благодетель. Ты только вспомни, как он...

– Ага. До кровавых соплей благодетель. Получил бесплатную рабсилу... А ты знаешь, что ты была шестой?

– В каком смысле?

– Шестой, к кому он подбивал клинья. К кому сватался. И никто не согласился. Кроме тебя, идиотки!

– Я сделала это ради нас... Мы бы пропали...

– Неужели в тебе нет гордости, Настька?

– Не хочу тебя слушать...

– Конечно, не хочешь, кто бы сомневался. Он ведь тебя даже к родному сыну не подпускает. Мрак какой-то. Средневековье...

– Это не твое дело. – Голос у Насти предательски дрогнул.

– Ты еще скажи, что счастлива, сестренка.

И тогда она воспользовалась запрещенным приемом. Первый и последний раз.

– А ты сам? Ты сам?! Ешь его хлеб и его же оскорбляешь!

Кирюша побледнел и запустил в сестру кукурузным початком. Настя не успела даже увернуться.

– Зато ты работаешь за двоих... Он тебе хоть зарплату начисляет?

– Не твое дело.

– Вступай в профсоюз работников сельского хозяйства, дура! Может быть, хоть он тебя защитит!..

Настя сидела ни жива ни мертва. Больше всего она боялась, что в разгар семейного скандала появится Заза. И Кирилл наговорит ему целый воз оскорбительных слов. Но Заза, слава богу, не появился, да и пыл самого Кирюши пошел на убыль.

– Ну скажи мне, когда ты последний раз была на море? Ведь два шага до него...

– В каком смысле?

– В прямом. Пошла и выкупалась.

Действительно, когда она последний раз была на море? Закусив губу, Настя принялась соображать.

– В прошлом году, кажется... Нет, в позапрошлом...

– У тебя разжижение мозгов, сестренка. А это не лечится.

Еще через год, когда юношеские прыщи, терзавшие Кирилла, пошли на убыль, он стал просто невыносим. Иногда он поджидал Настю в теплице или в саду и принимался изводить ее непристойностями.

– Ну-ка, скажи братцу, ты хоть оргазм-то получаешь?

Подобные вопросы приводили Настю в полуморочное

состояние. И подобные слова тоже. Уж не море ли, засиженное курортниками, нашептывало их братцу?

– Или по старинке? Сунул, вынул и пошел?

– Как ты можешь?!

– Не-ет, я думаю, все по-другому... Он же грузин, волосатый самец... – Именно это обстоятельство почему-то выводило из себя Кирюшу, который до сих пор не решался брить даже подбородок.

– Он хевсур...

– Один черт! Пилит тебя полночи, а ты лежишь и думаешь совсем о другом пилильщике. Который портит твои яблони!

– Да нет, – по инерции поправляла Настя. – Яблони портят как раз плодоярки. И листовертки. А пилильщики опасны только для смородины.

– Дура ты дура!

Кирюша, как всегда и бывало, сползал в привычную плоскость «тупости сестры». И это было лучше, чем разговоры о сексе. Это, во всяком случае, было понятно. И Настя успокаивалась. И даже пыталась умиротворить неистового брата.

– Если хочешь, Кирилл, мы можем сходить на море. В следующее воскресенье...

– Обещаешь?

– Обещаю...

Но на море они так и не ходили. В ближайшую к тому воскресенью пятницу случилось нашествие совки на капусту, а после нашествия Кирюша объявил, что поступает в му-

зучилище и перебирается в общежитие.

Ровно полтора года он солировал в училищном хоре (за это время великодушный Заза успел отмазать его от армии, сунув взятку районному военкому), а потом вдруг объявился в доме с пустой спортивной сумкой и новостью года.

– Я уезжаю, – объявил он.

– Куда? В область? – спросила Настя. Областной центр был для нее центром вселенной. Недостигаемым центром.

– В гробу я видел область. Я уезжаю в Петербург. В Питер.

Это была не вселенная. Это было нечто за гранью понимания Насти. Где-то между Огненной Землей и Антарктидой. А от зимнего пальто, которое Заза хотел подарить ему на восемнадцатилетие, Кирюша отказался. Он всегда отказывался от подарков хевсурского зятя.

– А зачем ты едешь в Питер?

– Надоело все. Не могу здесь больше оставаться.

Он бросил в сумку яблоки и головку свежей брынзы. И поцеловал сестру.

– Я напишу. А это тебе.

Кирюша вытащил из-за пазухи плотный пакет, завернутый в бумагу.

– Что это?

– Потом посмотришь...

Последним, что увидела Настя, были спина брата и заросший легкими волосами затылок. Он шел по осеннему саду, беспечно надламывая веточки груш (недавно привитой «Ви-

льямс летний»), прямо к калитке в заборе. Солнце светило так ярко, а спина брата казалась такой родной, что Настя заплакала. Так горько она не плакала с похорон матери.

Как только за Кириллом захлопнулась калитка, Настя развернула сверток. Что ж, подарок был вполне в стиле брата, махнувшего рукой на крестьянку-сестру: «*Энциклопедия растений*».

А вечером разразился скандал.

Перед тем как уехать в неизвестность, Кирилл подложил Зазе последнюю свинью: вырыл кувшин мукузани, приготовленный специально для совершеннолетия Илико, и нагло распил его прямо в саду. Он покусился на самое святое – на традицию, и этого Заза не простил ни ему, ни Насте. Целую неделю Настя выслушивала проклятия в адрес брата: гаденыш, неблагодарная тварь, вор и приживала, шэни набичуар!...⁹

– Шэни дэда моутхан! – неожиданно ответила таким же ругательством Настя. – Не смей оскорблять моего брата!

Это был первый бунт за десять лет. Зазу как током ударило.

– А ты нэ смэй осквэрнять свой рот такими словами, жэнщина! – прикрикнул Заза на жену. Но скандал прекратился.

...Конечно же, Кирюша не написал. Он пропал на три года, он ни разу не вспомнил о них и ни разу не напомнил о себе. Он и понятия не имел, что ее едва не убило сорвавшим-

---

⁹ Грузинское ругательство.

ся куском черепицы, что Зазе сделали операцию на желудке, а Илико уезжает учиться в Англию. Недаром они с Зазой работали до кровавых мозолей и все эти годы не разгибали спины. Набралась кругленькая сумма, да и родственники подкинули – цхалтубские и зугдидские. Илико Киачели, сын Зазы Киачели, будет первым в роду, кто поедет учиться за границу!

Все лето Илико и Заза оформляли документы и паспорта, а за два дня до их отъезда позвонил Кирилл.

– Если бы ты могла... – Казалось, голос шел не из трубки, а из могилы.

– Что случилось? – крикнула Настя.

Ничего. Короткие гудки.

Вышедший на крик Заза подозрительно посмотрел на нее. Настя слишком редко повышала голос, чтобы это осталось незамеченным.

– Кто звонил? – спросил он.

– Никто... С почты. – Зазе совсем не обязательно знать, что звонил ее брат, вор и приживала. – Пришли семена Бере Александр, поздний сорт, помнишь, я заказывала? Они сказали, что бандероль слегка надорвана... Я схожу... Возьму.

...С проводами Илико звонок брата отошел на второй план. Сын уезжал с легким сердцем, он давно не принадлежал матери, а теперь вообще перестанет принадлежать кому бы то ни было. Впереди его ждет совсем другая жизнь.

– Вот увидишь, мой сын вырастет и прославит род. Не бу-

дет копать в земле, как мы, – сказал ей Заза, стоя у такси, которое должно было отвезти их с Илико в областной центр. А оттуда – в Москву. А оттуда – в Англию.

Он никогда не говорил – «наш сын». Всегда только «мой».
– Пока, дэда¹⁰. – Илико крепко обнял Настю, он так редко ее обнимал. – Я напишу...

Совсем как Кирюша. Тот тоже сказал ей – «я напишу», но так и не написал.

– Буду чэрэз двэ нэдэли, – Заза даже не стал утруждать себя прощальным поцелуем. – Нино и Тамрико помогут тебе с садом. Я договорился.

Нину и Тамару, их ближайших соседок, Заза иногда нанимал – в особенно урожайные годы.

– Хорошо. – Настя снова потянулась к сыну, но дверцы такси захлопнулись, и машина рванула с места.

«Что же я забыла? – подумала она, глядя на клубящуюся густую пыль. – Ах да! Я забыла заплакать...»

...Дом сразу же опустел, даже горы овощей и фруктов его не спасали. Если бы она могла, то поехала бы следом за мужем и сыном. Сорвалась и поехала. Но у Насти даже не было заграничного паспорта. Почему двенадцатилетнего ребенка нужно было отправлять в Англию? Есть же хорошие, замечательные школы и в области. Не говоря уже о Москве.

Или Петербурге.

Мысль о Питере подняла Настю среди ночи. В Питере жи-

---

¹⁰ Мама (груз.).

вет ее брат, Кирюша. Он звонил ей, он сказал: «Если бы ты могла...» Но ведь она не может. Не может бросить дом и виноградник. За последние тринадцать лет она вообще никуда не уезжала. А вершина ее достижений – паломничество в областной центр в ранней юности.

Нет. Не стоит и думать об этом.

...Настя опомнилась только в поезде, с сумкой винограда и любимыми Кирюшиными гранатами. Как ни странно, поезд вез ее в Питер.

Двое суток она пролежала на верхней полке, холодея от собственного авантюризма. Денег ей должно хватить, она не собирается задерживаться надолго. В конце концов, в доме она оставила Нину и Тамару, так что вполне имеет право посмотреть, как устроился брат. А до приезда Зазы она сто пятьдесят раз вернется! И вообще, в этом нет ничего дурного, навестить Кирюшу. Увидеть брата, которого не видела три года, шэни дэда моутхан!..

Просто увидеть.

И она увидела его. Сегодня в морге.

Он покончил с собой. Сошел с ума и повесился.

А до этого написал странные прощальные слова на окне и испещрил стены рисунками божьих коровок.

А она сидит теперь в его квартире и сама близка к помешательству.

Что скажет Заза? Что скажет его родня? Что скажет Илико?..

Пепельницы. Настя успела вымыть две пепельницы. Это замечательная идея: чтобы хоть чем-то занять себя и скоротать ночь, она уберется в квартире. Выдраит все, что только можно выдраить. Чтобы хозяева вернулись в нормальный дом... Хотя бы через полгода. Она все сделает. И уйдет отсюда навсегда.

Настя побрела на кухню и принялась за уборку: не потому, что кухня выглядела особенно грязной, нет. Просто ей невозможно было оставаться в комнате, среди рисунков. Тем более ночью, в самое любимое для любого кваджи¹¹ время.

Генеральная уборка на кухне заняла три часа. И все это время (в промежутке между слезами и воспоминаниями) Настя удивлялась полному отсутствию каких-либо съестных припасов в шкафах. Имелась только соль в большом деревянном туюске. А мусорное ведро было переполнено целлофановыми пакетиками из-под какого-то гнусного вьетнамского супа. И пустыми блоками от сигарет.

На цыпочках пройдя мимо ванной и так и не решившись туда заглянуть, Настя вернулась в комнату. Она бы никогда этого не сделала (во всяком случае – до утра), если бы не сумка, брошенная на кровать. Там лежали не только ее паспорт и кошелек с фотографией, но и записная книжка, которую передал ей следователь из Управления.

Его, Кирюшина, книжка.

Настя устроилась на полу и углубилась в ее изучение. Про-

---

¹¹ Бес (груз.).

сто так, чтобы привстать на цыпочки и хоть на несколько минут дотянуться до его жизни, окончившейся такой нелепой смертью. Но ничего интересного для себя она так и не нашла. Несколько пугающих названий типа «ЭКСПЕРТИЗА ГИБДД», «КОНТОРА СМОЛЕНСКОГО КЛАДБИЩА», «РЕКВИЕМ, ритуальный фонд». Зачем нужны были Кирюше столь тесные контакты со смертью, она так и не поняла. Кроме подробно расписанных похоронных бюро, в книжке было еще несколько телефонов. Совсем немного. Их владельцы скрывались за аббревиатурами С. Е., В. Ч., В. В. П. – дальше Настя не стала и заглядывать.

Все равно они ничего ей не скажут, эти телефоны. Да и не так их много – цифр и заглавных букв с точками. Судя по всему, книжку Кирюша завел совсем недавно. И все-таки успел занести одну-единственную внятную фамилию. Ее Настя прочла напоследок: «*ВЕРХОВСКИЙ ИГОРЬ. 941.90.75. МОБИЛА*».

Она осторожно отодвинула простыню, прилегла на краешек кровати и попыталась прикрыть глаза. Бесполезно. Нарисованные насекомые продирались сквозь веки, водили странные хороводы, выстраивались в цепочки и снова распадались.

Божьи коровки, тупо думала Настя, такие полезные божьи коровки, убийцы капустной тли. Настя всегда привечала их, а чтобы помочь им справиться с тлей, обсаживала грядки бархатцами и ноготками. Ноготки – такие милые цветы...

Но что делают божьи коровки на стене этой странной квартиры в этом странном городе? Ведь Кирюша всегда ненавидел и землю, и ее дары, и ее обитателей... Ему нужно было просто сдвинуться, чтобы начать воспевать божьих ко...

Настя ущипнула себя за руку. Да, следовательно так и сказал ей, открытым текстом: «Похоже, ваш брат медленно сходил с ума»...

Вот и она приняла их сторону. Предала Кирюшу.

Но и возражать этому было трудно: разбитая аппаратура как-то слишком наглядно поддерживала эту версию. Разве может человек в здравом уме и трезвой памяти разрушить такие дорогие вещи? Интересно, а где остальное имущество?..

Оно нашлось через двадцать минут в маленькой кладовке в коридоре. Очевидно, кладовка служила Кирюше платяным шкафом. Рубашки, брюки, куртки, носки и ботинки были свалены в кучу. Скорее машинально, повинуясь многолетней привычке, чем преследуя какую-то цель, Настя принялась разбирать завалы: чистое – к чистому, грязное – к грязному. Грязного оказалось намного больше. Закончив сортировку, Настя зарылась носом в нестираное белье брата и снова зарыдала, в который раз за сегодняшний день. Она хорошо помнила детский запах Кирюши, такой же вкусный, как и запах Илико. Но теперь от вещей за версту несло совсем другой жизнью – взрослой, одинокой и уверенной в себе. Пот

перемежался с одеколоном и табаком – настоящий, выдержанный мужской букет. Да, Кирюша стал мужчиной, а она так и не заметила этого.

Настя вдавила щеку поглубже в ворох одежды и неожиданно замерла: где-то в глубине кипы послышался нежный, едва уловимый шорох. Она принялась разгребать белье руками – теперь шорох стал явственнее. А через минуту в ее руках оказался и источник – тяжелая кожаная куртка в заклепках. Ужасаясь своему нахальству, Настя принялась рыться в карманах. Первые трофеи не принесли ей особого утешения: скрученные в трубочку шесть сотенных долларовых бумажек, узкие солнцезащитные очки и железная пластина, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся обоймой. В их доме в Вознесенском хранилась пара ружей, но это были коллекционные ружья, гордость Зазы. Обойма из кармана выглядела не в пример современнее. Она угрожающе поблескивала вороненым боком, и Настя засунула ее обратно – от греха подальше. А из другого кармана – внутреннего – извлекла мятый конверт. Именно он и шуршал все это время. На конверте стоял адрес: «В. О. 2-я линия, 13, кв. 13».

Что такое загадочное «В.О.», Настя не знала. Но – «2-я линия, 13, кв.13»!

Это был его, Кирюшин, адрес.

Оглушенная этим открытием, Настя залезла в конверт и извлекла из него листок бумаги. На то, чтобы прочесть две строчки, у нее ушло десять секунд. И строчки эти не понра-

вились Насте. Ужасно не понравились.

«ЕСЛИ БУДЕШЬ ПРОДОЛЖАТЬ СОВАТЬ СВОЙ НОС В ЧУЖИЕ ДЕЛА, ТО ОЧЕНЬ СКОРО МОЖЕШЬ ЕГО ЛИШИТЬСЯ».

* * *

...Подбор кассет оказался из рук вон: два китаезы и мудачина-француз, – и Пацюк убил на них всю ночь. Начал он с француза, с Франсуа-мать-его Озона (так нарекли «сверхновую звезду режиссуры» родители. И почему только их временно не стерилизовали просвещенные галльские врачи?). Но, как бы там ни было, Франсуа выполз на свет и явив себя, принялся оскорблять своими киноопусами прогрессивное человечество.

Фильм назывался «Крысятник». Подобного дерьма Пацюк в жизни не видел! Кроме того, его бесило, что в названии явно просматривалось нечто созвучное его собственной фамилии. Один набор героев мог довести обывателя до блевотины: куча гомосеков, по которым уже давно исстрадался электрический стул; мамаша-извращенка, оттрахавшая собственного сыночка, а также извращенка-дочура – рабыня инвалидного кресла и садомазохистических комплексов. А на верхней строчке хит-парада прочно обосновался старый хрен папочка. Это полуторачасовое секс-действие так обрыдло Пацюку, что, добравшись наконец до финала, он испытал

чувство, близкое к оргазму.

Козел ты козел, Франсуа Озон, мрачно думал Пацюк, глядя на экран. Из-за таких вот шедевров люди выходят на улицы, назначают «бархатные революции» на понедельник и громят видеопрокаты.

После того как Пацюк отдышался и смысл под душем впечатления от срамной киношки, пришла очередь китаез. Гонконгских оборотней звали Чинг Сю Танг и Вонг Кар Вай. Малыша Сю Егор схавал не подавившись, а чертов Вонг снова заставил его напрячься. Никаких изысканных, бесшумных, как веер, ходов, к которым стажер так привык в своих обожаемых японских детективах. Торжество смазанного изображения, тупейшее мочиловое! Одна радость – косоглазые пачками отправлялись на тот свет, прямиком в преисподнюю, в своем зашморганном «Чанкинском экспresse»¹².

Мысль о преисподней пришлась кстати: теперь, во всяком случае, Пацюк представлял себе, как выглядит ад. Что-то вроде кинотеатрика с «долби стерео». Тебя сажают на первый ряд, намертво привязывают к креслу, суют в зубы поп-корн и заставляют смотреть всю эту гонконгско-французскую мутьотень нон-стопом.

Никакого отдыха, никакого перерыва. Ныне, присно и во веки веков.

Пацюк не подошел бы к этим кассетам и на расстояние пушечного выстрела, если бы... Если бы на ребре обложек

---

¹² «Чанкинский экспрес» – фильм Вонг Кар Вая.

не было товарного знака Мицуко. Он заприметил его сразу же, еще в логове самоубийцы: отпечаток губ, оттиск помады, черной и пепельной, намек на поцелуй. Этими поцелуями – двумя черными и двумя пепельными – были украшены все четыре дерьмовинки. Зачем она это сделала – непонятно. Хорошо, если просто пробовала цвета... А если помечала таким образом свои кинематографические пристрастия? Что ж, приходится признать, что вкус у Мицуко не ахти, но с ним нужно считаться.

Нужно быть подкованным на все четыре копыта, если хочешь хотя бы приблизиться к экзотическому цветку. А цветок этот вполне может оказаться плотоядным и вполне может держать патрон в стволе, пардон, в тычинке.

С такими вот кисло-сладкими мыслями о Мицуко Георгий Вениаминович Пацюк погрузился в недолгий сон. И весь остаток ночи его преследовали узкие китайские черепа с французскими инвалидными креслами в глазницах.

...Он проснулся от назойливого телефонного звонка и по привычке взглянул на будильник.

Семь тридцать.

Семь тридцать – и суббота. Семь тридцать – и законный, гарантированный Конституцией выходной. Интересно, какой хмырь смеет беспокоить его в такую рань?!

На другом конце провода оказалась забитая сестра самоубийцы, и это сразу же привело Пацюка в чувство. Ты бы еще в четыре утра позвонила, недовольно подумал он, ты бы

еще с вечера начала меня мучить!.. Но секундой позже он сообразил: людишки от сохи всегда поднимаются рано, по указке какого-нибудь облезлого петуха. Семь тридцать для них – разгар рабочего дня, выдоенные коровы, выгулянные козы и прополотые грядки. И засеянная пашня.

– Что-нибудь случилось, Настя? – вежливо спросил Пац-
юк.

– Да, – трагическим шепотом произнесла она. – Мне необходимо с вами встретиться. Я звонила вашему следователю в Управление... Но там никто не отвечает.

Интересно, а в Пентагон ты звонить не пробовала? Риск-
ни, может быть, тебе ответят...

– Сегодня суббота, Настя. Вряд ли там кто-то появится.

– А вы?

– Я – тем более.

– Сегодня ночью я кое-что нашла. – Голос пастушки сполз
на плач. – В квартире...

– Ну хорошо, – смилостивился Пацюк. – Давайте увидим-
ся.

– Сейчас.

– По-моему, еще рано.

– Сейчас, – продолжала упрячиться Настя.

Послать бы тебя куда подальше! Секунда – и Пацюк по-
слал бы ее, кулачку недорезанную, но вовремя вспомнил, что
она является тем самым живцом, которого должен захватить
обворожительный, умело покрашенный ротик Мицуко.

– Хорошо, сделаем вот что. – Спросонья стажер соображал туго. – Подъезжайте к «Адриатике». Я буду там через полчаса.

Крошечная «Адриатика» работала круглосуточно и располагалась всего лишь в квартале от его дома. Ничего адриатического в ней не было, даже рыбу не подавали. Но Пацюк частенько подъедал там мясную солянку.

– А что это – «Адриатика»? – спросила Настя.

– Кафе на Старо-Петергофском. Напротив кинотеатра «Москва».

– Хорошо... Я буду.

Пацюк выматерил короткие гудки в трубке и отправился в ванную: скоблить заросшую от непомерных кинематографических впечатлений физиономию. Но стоило ему намылить щеки, как снова раздался звонок.

Проклятая деревенщина никак не хотела уняться!

– Что-нибудь еще? – буркнул Пацюк.

– Да... Я не знаю, где это – кинотеатр «Москва».

Черт возьми, она же приезжая, как он мог забыть! Все эти «Адриатики» вкупе с «Москвой» и Старо-Петергофским проспектом для нее пустой звук.

– Ладно. Ждите меня дома. Я за вами заеду...

...Пацюк подхватил Настю у подъезда: она бросилась к нему, как к давнему знакомому, и даже приветственно подняла руку.

– Раз уж мы встретились, давайте поедem куда-нибудь по-

завтракаем, – предложил он. И Настя согласилась.

Через полчаса мытарств они нашли наконец-то приличную забегаловку с многообещающим названием «Камасутра». Интерьер забегаловки полностью соответствовал названию: из всех щелей перло индийскими благовониями, а из замаскированных в пальмовых листьях колонок неслись заунывные звуки – какой-то очередной Рави Шанкар, язвы его в душу, медитировал на ситаре¹³.

Пацюк покорился неизбежному и заказал себе свинину с рисом и ананасами («пелло» – именно так значилось это блюдо в меню; «пелло» – палач убогого копеечного бюджетника)! Дама же довольствовалась кокосовым молоком.

– Ну, что произошло? – добродушно спросил у Насти Пацюк, отправив в пасть кусок свинины.

Настя сделала маленький глоток и тотчас же отставила стакан.

– Знаете, вы доедайте, а я подожду вас в машине.

– Не понял...

Впрочем, и понимать тут было нечего, стоило только перехватить Настин взгляд.

Скульптурные экзерсисы, стоящие на окне и в нишах, – вот что ее смущало. Весьма пикантные иллюстрации к «Камасутре». Все подоконники были уставлены статуэтками совокупающихся индусов: какой-то старательный выпускник Академии художеств довольно удачно скопировал самые

---

¹³ Ситар – индийский музыкальный инструмент.

распространенные позы из библии секса.

Пацюк не выдержал и улыбнулся: надо же, какая лапотная невинность! Даже обручальное кольцо от нее не спасает!

– Не обращайтесь внимания, Настя. Выкладывайте вашу новость.

Настя поерзала на стуле, чудовищно изогнулась и нашла наконец выгодный ракурс: теперь в поле ее зрения оставался только Пацюк с недоеденной тарелкой «пелло».

– Я перебирала вещи брата...

Что ж, вполне почтенное занятие, подумал стажер, перетирая челюстями огрызки ананасов. Как раз в ключе рачительной хозяйки: ни одна запонка не должна закатиться, ни одна пуговица не должна потеряться, даже нитка от пуговицы не имеет права пропасть. Таких рачительных хозяек из глубинки нужно приглашать на должность служебно-разыскных собак. Ничто от них не укроется.

– Я перебирала вещи брата... И в его куртке нашла вот это.

Она протянула Пацюку конверт. Тот вытер пальцы о брюки и осторожно достал листок.

«ЕСЛИ БУДЕШЬ ПРОДОЛЖАТЬ СОВАТЬ СВОЙ НОС В ЧУЖИЕ ДЕЛА, ТО ОЧЕНЬ СКОРО МОЖЕШЬ ЕГО ЛИШИТЬСЯ».

Пока стажер изучал надпись, Настя не спускала с него глаз.

– Что скажете? – спросила наконец она.

Господи, ну что он мог сказать? Какого черта вы полезли в тряпки, Анастасия Кирилловна? Или – занимались бы лучше сельским хозяйством, Анастасия Кирилловна? Или – заказали бы молебен по братцу, предали бы его земле и на этом успокоились? А у нас и без вашего повешенного шесть «висяков» на отделе. Так что не будем усугублять положение, дорогуша!

Но ничего подобного Пацюк не сказал. Напротив, поднатужился и придал своей физиономии сочувственно-заинтересованный вид.

– А вы что скажете, Настя?

– Я думаю, ему угрожали, – запинаясь на каждом слове, произнесла она. И сама ужаснулась произнесенному.

– Ну-у... Я бы не торопился трактовать записку именно так.

– А как? Скажите, как еще ее можно трактовать? Ему угрожали, он чего-то боялся...

– Откуда вы знаете, что он чего-то боялся? Он сообщал вам об этом?

– Нет, но... Следователь говорил мне, что дверь в его квартиру вскрывали. Что она была заперта на все замки. И на щеколду. Окно тоже было закрыто. А телефонный шнур перерезан. Кирилл якобы сам его перерезал.

– Подождите... – Пацюк сморщил лоб, припоминая оперативно-следственную тусню в квартире. Телефон Лангера действительно не работал. – А вы откуда мне звонили?

– Из автомата. Он там, на углу.

– Понятно.

– Ему угрожали, – снова повторила Настя.

– Ну хорошо. Допустим. А надпись на стекле? А рисунки на стенах? Вы думаете, это тоже как-то связано с угрозами?

Несчастливая сестра сникла.

А Пацюк торжествующе доел последний кусок свинины. Попалась, дамочка! Ничтоже сумняшеся хотела повести следствие по кривой дорожке, напрямик к статье 110 УК РФ, как сказал бы следователь Забелин.

Доведение до самоубийства. Наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

Но ничего не выйдет. Дело закрыто. И теперь совершенно не важно, то ли божьи коровки привели парнишку к подметному письмецу, то ли подметное письмо вызвало к жизни божьих коровок. Факт остается фактом: *Кирилл Лангер сам наложил на себя руки.*

– Ему угрожали... – в который раз повторила Настя.

– И поэтому он разбил аппаратуру в доме, – мягко напомнил ей Пацюк. – Никуда не выходил на протяжении нескольких дней и разрисовывал стены...

– А вы откуда знаете? Про несколько дней?

– Его подруга дала показания. Сказала, что не видела его какое-то время. На телефонные звонки он не отвечал. На звонки в дверь – тоже.

Настя подперла ладонью подбородок и задумалась.

– А почему она обратилась в милицию?

– Не понял? – Теперь уже Пацюк поставил подбородок на ладонь.

– Что же тут непонятного? Ведь прошло-то всего несколько дней. Человек мог просто уехать к друзьям. Или еще что-нибудь... А она сразу побежала в милицию... Они ведь не были мужем и женой, правда?

Пацюка передернуло: только этого не хватало. Женщина, подобная Мицуко, не должна принадлежать никому, она не создана для яичниц по утрам, стеганого халата и вялых супружеских поцелуев в щеку.

– Нет, мужем и женой они не были.

– А она тем не менее обратилась в милицию. Значит, подозревала, что, может, не все в порядке. Я права?

– Увы, – Пацюк развел руками. – Если она и подозревала, то совсем другое.

– Что же?

Пацюк выразительно повертел пальцем у виска.

– Вы понимаете? Девушка стала замечать, что в последнее время с вашим братом начало твориться что-то неладное.

На глазах несчастной Насти выступили слезы, и стажер выругался про себя: не стоило ему усугублять страдания родственницы. Но спустя несколько секунд разразилась настоящая гроза: то, что он вначале принял за кроткие слезы отчаяния, на самом деле оказалось слезами ярости. Да, именно так: Настю душила ярость.

– Я никогда не поверю в то, что мой брат был сумасшедшим...

– Зачем же такие крайности? Возможно, это была всего лишь глубокая депрессия... А в такие минуты человек способен на все. И потом: пограничные состояния, они характерны для нашего времени. Вот взять, к примеру, вас. Разве вы всегда пребываете в хорошем расположении духа?

Ответ крестьянки оказался достойным книжки «Практическая психология».

– Мне некогда пребывать в расположении духа. Ни в хорошем, ни в плохом. У меня пять коз, парники, сад и виноградник. А еще муж и сын. Я хочу поговорить с этой девушкой.

Ну наконец-то! Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Пацюк не выдержал и расплылся в дурацкой улыбке.

– Думаю, это можно устроить.

– Прямо сегодня.

– Хорошо.

– Тогда пойдемте отсюда.

Оставив в «Камасутре» 169 рублей 45 копеек, Пацюк и Настя вышли из кафе.

– Вас подвезти к дому? – вежливо спросил стажер.

– Нет. Я просто хочу понять... Вы разговаривали только с этой девушкой? Не нашли никого из его знакомых? Я видела его записную книжку, там есть несколько телефонов...

Пацюк хмыкнул и принялся терзать переключатель

«дворников». Хотя не было никакого намека на дождь.

Чертова баба, кажется, он ее недооценил! Но разве можно было предположить в этой белобрысой, изуродованной полевым загаром простушке такую недеревенскую хватку? Еще вчера она была совсем другой: кроткой, как овца, и плаксивой, как латиноамериканский сериал. Впрочем, и представления о жизни были у нее вполне латиноамериканские: в родной семье все должны быть физически и душевно здоровы. Никакого намека на шизофрению, параноический бред или заячью губу. Максимум, что можно себе позволить, – это временная амнезия и такая же временная потеря ребенка. Но к концу повествования память обязательно должна вернуться, а возлюбленное чадо – найтись...

– Да, действительно, – проблеял Пацюк. – Там было несколько телефонов. Но к делу вашего брата они не относятся. Судя по всему, записная книжка была новой. Ваш брат только начал ее заполнять. И, заметьте, первыми внес в список адреса э-э... ритуальных служб.

– И что это может значить? – спросила Настя.

– Очевидно, он думал о смерти.

Получайте, девушка! Вы сами этого хотели! Но сломить Настю оказалось непросто.

– Там был еще один телефон. Какой-то Игорь Верховский.

– Этого мы установили, – Пацюк перевел дух. – Нотариус. Работает здесь же, на Васильевском.

– А при чем здесь нотариус?

– Совершенно ни при чем. Вашего брата он никогда не видел и никаких дел с ним не имел.

– Тогда почему его телефон оказался в Кирюшиной книжке?

– Откуда же я знаю? Если Кирилл думал о смерти, то вполне логично предположить, что он думал и о завещании. Во всяком случае, я расцениваю это именно так.

«Дворники» ходили по лобовому стеклу с завораживающей монотонностью. Некоторое время и Настя, и Пацюк следили за их движением.

– А надпись? – Клекот нехитрого автомобильного приспособления высек из головы Насти очередную неожиданную мысль.

– Какая надпись?

– «Мобила». «Мобила» – это мобильный телефон. Я правильно понимаю?

Господи, с тоской подумал Пацюк, неужели волна цивилизации накрыла все провинциальное пространство в этой стране?..

– Да. Вы понимаете правильно. И что из этого следует?

– Откуда у Кирюши оказался мобильный телефон нотариуса, если он никогда его в глаза не видел, как утверждаете вы? Ведь его не всякому дают, верно? И в справочниках его не публикуют...

Это была чистая правда. Странно, что Забелин не обратил никакого внимания на это обстоятельство. В «Желтых

страницах Санкт-Петербурга» маячили реквизиты конторы Верховского. И служебный телефон выглядел бы в записной книжке гораздо уместнее. А мобильник... Приходится признать, что дамочка права: в нем есть нечто интимное. И сообщают его номер не всякому...

– Даже если это так, – Пацюк горой встал за честь Управления, – что это меняет? Ведь вашего брата не вернешь.

– Да, – помолчав, согласилась Настя. – Не вернешь.

* * *

...До встречи с Мицуко оставалось сорок минут.

Она неожиданно легко согласилась поговорить с сестрой убитого Кирилла, заминка вышла только с местом предполагаемого свидания. Настя долго и почтительно посапывала в мембрану, а потом повесила трубку и объявила:

– Мы должны подъехать в какую-то «Аризону-69». Вы знаете, где это?

«Аризона-69» была недавно открывшимся кабаком где-то в подбрюшье Московского проспекта. Пацюк не был там ни разу, цифру «69» воспринимал исключительно как разновидность полового акта, но сообщение Насти встретил с энтузиазмом. Тем более что пошел дождь. А Пацюк любил такую погоду. В дожди ему всегда везло, они были его талисманом. И сегодняшний каприз природы (особенно в преддверии обстоятельного – как рассчитывал влюбленный ста-

жер – знакомства с Мицуко) выглядел добрым знаком.
Божьим благословением.

Возвращаться в квартиру брата Настя не хотела ни в какую, к архитектурным прелестям вотчины Петра тоже оказалась равнодушной, так что Пацюку пришлось взять ее к себе на Курляндскую. Ему просто необходимо было принять душ и переодеться. Первоначальный его план был прост: усадить Настю в комнате, сунуть ей в руки пульт от телевизора, а самому скрыться в ванной. Но Настя неожиданно заартачилась.

– Я подожду вас в машине, Егор, – сказала она.

– Почему?

– Вы ведь говорили, что живете один. Было бы неприлично...

Пацюк тяжело вздохнул и уставился на нее: ее застенчивые прелести могли взволновать только электродоилку в коровнике. Или сепаратор для очистки молока.

– Как знаете. Но я могу задержаться.

– Ничего, я подожду.

Поставив кассету «Одинокий пастух» (без всякой задней мысли), Пацюк скрылся в чреве своей «сталинки», чтобы спустя сорок пять минут снова предстать перед Настей в тоталитарном френче а-ля «великий кормчий», но с демократической банданой поверх кадыка. Непокорные вихры Пацюка были загелены, и от них за версту несло одеколоном.

– Ну как? – на секунду забывшись, спросил он у Насти.

– Что – «как»?

– Как я выгляжу? – Отступить было поздно.

– Не знаю... Наверное, хорошо.

За пять лет близости Пацюк хорошо изучил строптивый нрав своей «бээмвухи»: она могла взбрыкнуть в самый последний момент. Так что лучше будет отправиться к «Аризоне-69» сейчас же. Но машина не подвела, и к кабаку они подкатили, имея в запасе сорок минут.

Сорок минут в обществе женщины из глубинки – это было покруче Вонг Кар Вая с его узкоглазыми киллерами. Говорить было решительно не о чем (не подробности же самоубийства обсасывать, в самом деле!), и Пацюк брякнул первое, что пришло ему в голову:

– Простите, а Лангер – это еврейская фамилия?

– Немецкая, – с достоинством ответила Настя.

Чертов суицидник! Отправился на тот свет и даже не одолжил никому такую роскошную фамилию! Такую накачанную, украшенную татуировками, черной кожей, черными очками и плохо выбритым подбородком фамилию!.. В пацюковской ксиве эта фамилия смотрелась бы просто зашибись!

– А вы, стало быть, тоже были Лангер? До замужества?

– До замужества я была Воропаева.

– Так это ваш сводный брат...

– Нет, родной. Просто девичья фамилия моей мамы – Воропаева. А Лангер – это наш отец. Но мама решила оставить меня на своей фамилии.

– Почему?

– Чтобы не задавали таких вопросов, который задали вы. Мама не хотела, чтобы у меня были трудности с поступлением в институт.

– Значит, трудностей удалось избежать?

– Ну да. Тем более что до института дело не дошло...

Дамочка вовсе не горела желанием распространяться о своей жизни, Пацюк это видел. Разговор сошел на нет. Он принялся щелкать кнопками магнитолы, а Настя углубилась в изучение широких окон «Аризоны-69». Посмотреть было на что: множество поставленных друг на друга макетов «Кадиллаков» самых невероятных расцветок.

И одинокий кактус, похожий на бейсбольную биту.

Таким кактусом хорошо отгонять койотов в пустыне. Или, на худой конец, злобных питерских комаров.

– Она специально позвала нас сюда? – с укором спросила Настя. – Чтобы сделать больно?

– Что еще случилось?

Но, проследив за взглядом спутницы, Пацюк все понял. И здесь божьи коровки! Они были нарисованы на анилиновых боках «Кадиллаков», даже кактусу досталась пара штук.

Утешить Настю стажер не успел: у входа в «Аризону» затормозила роскошная иномарка (как же иначе!), и из нее вышла Мицуко.

– Это она? – Чего-чего, а черноземной мудрости крестьянке было не занимать!

«Она», – подтвердил дернувшийся кадык Пацюка.
«Она», – подтвердили его запавшие щеки. «Она», – подтвердили его вставшие дыбом волосы.

Мицуко подошла к двери ресторанчика и огляделась по сторонам.

– Пойдемте, – сказала Настя. – Нельзя заставлять ждать такую хорошенькую девушку.

Она выскочила из машины первой. Пацюк на ватных ногах последовал за ней.

Вблизи Мицуко оказалась еще прекраснее. Настолько прекрасной, что Пацюку потребовалось время, чтобы сфокусировать взгляд и унять предательскую дрожь в коленках. И пока он разбирался с забарахлившим организмом, Настя успела завести разговор.

– Это я просила вас о встрече. Я – сестра Кирилла.

Мицуко удивленно подняла брови и осмотрела Настю с головы до пят.

– Вы?!

– Да.

– O'key-dokey! Можете звать меня Мицуко.

Теперь пришел черед Насти удивляться.

– Странное имя...

– Странная сестра, – парировала Мицуко.

И, высоко подняв точеную головку, направилась ко входу в «Аризону». Настя и стажер последовали за ней.

Конечно же, она выбрала столик у окна с кактусом, пря-

мо под носом «Кадиллаков». А кактус при ближайшем рассмотрении перестал походить на бейсбольную биту и перекочевал в разряд фаллоимитаторов. Официант в ковбойской шляпе бросил им меню, и Пацюк углубился в его изучение. А Настя и Мицуко принялись изучать друг друга.

– Миленький загарчик, – сказала Мицуко. – В солярии приобрели?

– У себя дома.

– На дому принимаете?.. А это ваш муж? – Мицуко моментально перевела взгляд с обручального кольца Насти на френч Пацюка.

– Нет.

– Уже развелись?

Пацюк покраснел и уставился в меню. Черт возьми, произошло самое страшное: крошка Мицуко без всяких к тому оснований пристегнула к залетной деревенщине его, Егора Пацюка, питерца в двадцать пятом колене! Неужели он выглядит таким лохом?..

– Это друг Кирилла, – неожиданно сказала Настя.

– Егор, – представился стажер.

– Школьный друг?

– Я так не думаю. – Все, чего Пацюк хотел сейчас, – это хоть как-то отлепить себя от Насти. Хотя бы в сознании Мицуко. – Мы ведь с вами виделись в квартире Кирилла.

– Что-то припоминаю. – Мицуко отделалась стандартной фразой, ни черта она не помнила, даже безмятежные ресни-

цы не дрогнули.

Расправившись с ним, Мицуко снова переключилась на Настю.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– О Кирилле.

– Это ужасная история. Ужасная! Я и подумать не могла, что все так плохо закончится!

– Вы ведь были... – Настя сделала паузу. – Его хорошей знакомой...

– Мы спали. Иногда, не очень часто.

От такой детской непосредственности Настя надолго замолчала. И Пацюк решил взять инициативу на себя.

– Скажите, а в последнее время вы не замечали за ним никаких странностей? – спросил он.

– Все люди – странные. Но Кир был гораздо нормальнее всех остальных.

– А когда вы видели его в последний раз? – Настя взяла себя в руки и снова включилась в беседу.

– Не помню. Вокруг меня всегда столько народу...

Это точно. Такие красотишки не останутся одинокими даже в персональных гробах! Пацюк даже задохнулся от ревности.

– Но вы ведь позвонили в милицию. Почему?

– Не знаю... Было какое-то предчувствие...

– Какое предчувствие?

– Нехорошее. Я не могу объяснить... Мы должны были встретиться. Но на встречу он не пришел. А такого никогда

не было. Он меня просто обожал. – Губы Мицуко растянулись в самодовольной улыбке. – Даже если бы он умер, он обязательно бы явился.

– Он умер.

Настя произнесла эти слова и застыла как громом пораженная. А Мицуко... Мицуко торжествующе рассмеялась.

– Вот видите! Я тоже так подумала!

Совершенно искренний, детский цинизм красотки сбивал с толку.

– Как вы можете... – проямлила Настя.

– Нет, правда... Я подулась на него несколько дней, а потом решила, что пора действовать. Все остальное вы знаете... Рекомендую оленину в пряном соусе, – Мицуко ткнула в меню наманикюренным пальчиком. – Цены вполне терпимые для такого мяса.

Пока Пацюк тихо ужасался количеству нолей в ценнике, Настя перешла к любовой атаке:

– Значит, вы его не любили, девушка?

– Разве я хоть слово сказала о любви? Он был забавный, это правда... А вино пусть закажет ваш спутник. Мужчины должны разбираться в вине.

Крошечные невесомые мысли Мицуко перелетали с темы на тему, подобно бабочкам, выбирающим подходящий цветок. Сейчас самым подходящим цветком была оленина в пряном соусе. Вокруг этого все и вертелось.

– Я не знаю... – Пацюк запрыгал глазами по строчкам. –

А что предпочитаете вы?

– Здесь очень хороший «Мерло».

– Пусть будет «Мерло».

Это уже походило на начало флирта, и Пацюк приободрился. И совсем забыл о Насе. А заодно и о цели визита. Но деревенщина снова напомнила о себе, как кувалдой громыхнув по тонкому механизму любовной игры.

– Заказывать «Мерло» к такому соусу – невежество, – сказала деревенщина. – Если бы была тушеная рыба, еще понятно.

– И что же вы предлагаете? – Мицуко впервые посмотрела на Настю с интересом.

– Вот это. – Смуглый палец Насти с коротко, почти до мяса, состриженным ногтем уперся в строчку меню. – «Барбареско».

– Пусть будет «Барбареско», – снизошла легкомысленная любовница самоубийцы. – Значит, вы разбираетесь в винах?

– Разбираюсь. И вам не мешало бы разбираться, если уж посещаете хорошие рестораны.

После этой фразы за столом повисла нехорошая тишина. Черный макияж Мицуко почернел еще больше, а губы сложились колечком.

– Вы из какой деревни? – нанесла ответный удар она. – Что-то я запамятовала. Из Виллариба или из Виллабаджо?

– Из Вознесенского. Это на юге.

– Заметно. Извините, я сейчас...

Мицуко, заледеневшая в своем презрении, поднялась из-за столика и двинулась к выходу.

– Куда это ее понесло?

– А вас куда понесло? Забыли, что ли, для чего мы сюда пришли? – Все рушилось, и, стараясь скрыть досаду, Пацюк напустился на Настю.

– Нет. Но...

– Вы же сами настаивали на встрече. – Он махнул рукой и устремился за девушкой.

И ухватил только шлейф ее духов, ведущий к туалету.

Но долго наслаждаться ароматом «Magie Noire» не пришлось.

– Так и будете здесь куковать? – насмешливо спросила подошедшая Настя и, отодвинув Пацюка плечом, отправилась следом за Мицуко.

Счастливица.

...Предмет его воздыханий появился, когда Пацюк докуривал четвертую сигарету.

– Так я заказываю вино? – обратился он к Мицуко.

Та отреагировала довольно странным образом:

– Сами его и выпьете. За здоровье вашей сумасшедшей. А я ухожу.

Через секунду за ней с треском захлопнулась дверь, а из туалета наконец-то выплыла тупорылая колхозница.

– Что вы ей сказали, идиотка?! – Пацюк не сводил глаз с физиономии Насти – красной и распаренной.

– Еще неизвестно, кто из нас идиотка!

Но он не стал вдаваться в подробности. Другого случая не будет. Нужно немедленно догнать ангела и попытаться ухватить его за крыло.

Когда Пацюк выскочил на улицу, Мицуко уже ловила машину.

– Подождите!.. – просипел он. – Мне нужно поговорить с вами...

– Отвянь! Уже поговорили.

В конце улицы появился джип. О, Пацюк хорошо знал эти машины, охочие до девушек, подобных Мицуко. Сейчас серебристо-черная (как раз под цвет ангельских волос) тварь затормозит у обочины и переедет колесами не только робкие пацюковские чувства, но и всю его нескладную жизнь. Сейчас... Сейчас...

И Пацюк решился. Он схватил Мицуко за руку и выдернул на тротуар. Получилось не очень галантно, зато убедительно. Джип промчался мимо, и улица на некоторое время снова опустела. Действовать нужно быстро, иначе, не ровен час, снова появится какой-нибудь сексуально озабоченный «Мерседес».

Или «Лексус».

– Если хотите, я подвезу вас. – Пацюк осторожно выпустил руку девушки.

– А какая у вас машина?

– Это имеет значение?

– В отечественных таратайках я не езжу.

– У меня «БМВ». – Пацюк решил не вдаваться в подробности.

– O’key-dokey! – смиростивилась Мицуко.

– Куда вам?

– В центр.

Пацюк нахмурился. Экзотическая Мицуко жила совсем не в экзотической Сосновой Поляне, густо заселенной бывшими работягами с бывшей оборонки. Он выучил ее адрес, подшитый к делу, наизусть. Интересно, куда она направляется сейчас? Гадать бесполезно – очевидно, есть слишком много мест, которые жаждут принять красавицу в свои объятья...

– Это и есть ваша машина? – с неподдельной иронией спросила Мицуко, когда они приблизились к «бээмвухе».

– Не совсем моя, – тотчас же струсил Пацюк. – Вообще-то у меня «Мазда», но она сейчас в ремонте. Какой-то лох в бочину воткнулся. А эту я у приятеля одолжил. Не бог весть что, конечно...

– Ладно, поехали.

Пацюк бросился открывать переднюю пассажирскую дверь.

Устроившись на сиденье, Мицуко спросила:

– А эта ненормальная и вправду его сестра?

– Да.

– Бедняжка. Наверное, поэтому он всегда утверждал, что

сирота...

– У вас замечательные духи, – моментально перевел стрелки Пацюк. Бедные сироты как таковые его не интересовали. Его интересовали «Magie Noire» как повод для контактных видов единоборств и боев без правил. В смешанном, женско-мужском, составе.

– Да? У вас дурной вкус.

Такого Пацюк не ожидал и потому продолжил по инерции:

– Как они называются?

– Лично я называю их «Временные трудности».

Облом-с. Пацюк воткнул ключ зажигания и молодецки (как и подобает прожигателю жизни, случайно выпавшему из «Мазды») повернул его.

– Куда едем?

Ответа не последовало.

Несколько секунд он вслушивался в ровный рокот мотора, а потом повернул голову к Мицуко. И поразился перемене, произошедшей в ее лице. Нет, теперь уже трудно было назвать лицом резиновую маску с черным провалом рта. Глаза Мицуко бешено вращались, с ресниц падали хлопья туши – прямо на безупречную еще секунду назад линию скул. Бастион красоты рухнул, не успев даже выбросить белый флаг. Теперь они сражались в одиночку – глаза, лоб, тонкие ноздри, – сражались и погибали. Мицуко всхлипнула и начала биться в дверцу.

– Да что с вами?

Ответом ему стал сдавленный стон. Скорее машинально, чем преследуя какую-то цель, он потянулся к девушке – только для того, чтобы помочь ей открыть дверцу. Но Мицуко, скользнув по манжете рубашки, оттолкнула его руку, как будто это была сколопендра, мурена, электрический скат... Пацюка пронзила острая и моментально стихшая боль – и через несколько секунд Мицуко вырвалась на свободу. Издав вопль ужаса, она бросилась прочь от машины Пацюка.

Как в замедленной съемке стажер увидел Мицуко, оставившую первый попавшийся затюканный «Москвич». Номерной знак «Н О33 ХВ 78 RUS». Вот тебе и «ХВ», вот тебе и «Христос воскресе»!.. Вот тебе и принципы. Вот тебе и «в отечественных таратайках я не езжу»...

Прошло уже десять минут после неожиданного бегства девушки, а Пацюк все еще тупо смотрел перед собой. В ушах до сих разносилось эхо ее крика. Так на памяти Пацюка кричала только героиня Шелли Дюваль из незабвенного фильма «Сияние». Но ее, во всяком случае, можно было понять: трудно удержаться от стенаний, когда за тобой гонится маньяк Николсон с топором.

Пацюк повернул зеркало заднего вида и критически себя осмотрел. Все было на своих местах, даже любимый бритвенный порез под нижней губой (с чертовой опасной бритвой всегда так, постоянные неприятности, но отказаться от этого раритета с ручкой из светлого янтаря он просто не в

состоянии). В меру карие глаза, в меру густые брови, в меру длинный нос. Конечно, не голливудский красавец, но и Дракулой его не назовешь. И на Фредди Крюгера он не тянет. Зиппер наглухо застегнут, руки вымыты, никаких предосудительных татуировок на них нет. Разве что две глубокие царапины и одна поменьше – перед тем, как выпрыгнуть из машины, она оставила на нем свое клеймо. Пацюк был вовсе не против подобного клейма, хотя предпочел бы иметь эти царапины на спине. Именно таким образом ангелы, подобные Мицуко, предвосхищают наступление оргазма... Но, в конце концов, он согласен и на этот крохотный знак внимания. Хотя он и не снимает главного вопроса: что же так испугало девушку?

Покончив с исследованием царапин и собственной физиономии, Пацюк переключился на внутренности машины. Но и здесь не нашел никаких изъянов: довольно приличная торпеда, такого же качества магнитола, елочка освежителя, при жизни издававшая кокосовый аромат... Николая-угодника с маленькой иконки тоже нельзя считать сомнительной личностью – вполне уважаемый святой.

Что еще?

Нестандартных размеров руль с пятью приклеенными звездочками – единственная пацюковская отрада: на коже руля красовалась надпись «WOLKSVAGEN SPORT», а звездочки были куплены Пацюком в Военторге. Вот и все, если не считать грозди ключей, торчащих в замке зажигания. И

пристегнутой к ним маленькой нэцкэ. Эту нэцкэ ему подарил когда-то однокурсник по юрфаку, по кличке Борода. Теперь Борода ударился в эзотерику и сидит на кассетах в магазине «Роза Мира»...

А что, если она увидела кого-то на улице?.. Кого-то, с кем связаны не самые приятные воспоминания? Но даже и в этом случае ужас в глазах можно считать чересчур преувеличенным. Да и улица была пустынной, насколько мог судить сам стажер. Инфернальные персонажи Стивена Кинга сюда не заходят. Окна кабака тоже отпадают: кроме экстатического слияния псевдо-«Кадиллаков» ничего особенного в них нет.

Пацюк заглушил двигатель, расстегнул браслет часов и бросил их на торпеду. Так он делал всегда, когда нервничал, влюблялся до безумия или хотел понять ускользающий от него смысл событий. А чертовы часы удерживали его на цепи тусклой обыденности. Он ненавидел их и все же носил. Это был подарок покойного отца: «Командирские», с дарственной надписью на обороте «Егору от папы». Эти часы конвоировали Пацюка по жизни с железобетонным упорством: успели войти в моду и выйти из нее «Саньо», «Сейко» и «Электроника», а он все еще щеголял в своих механических «Командирских». Несколько раз он пытался исподтишка избавиться от них, забывая в кафе, или на работе, или в столовке Управления. Или – в порядке эксперимента – на месте происшествия. И каждый раз они возвращались к нему са-

мым неожиданным образом. Следователь Забелин, страдавший тяжелым, как удушье, чувством юмора, даже придумал термин этому природному феномену: «Возвращение живых мертвецов».

Сейчас большая стрелка «Командирских» подбиралась к четырем.

Уже четыре, а единственной удачей сегодняшнего дня можно считать разве что легкий запах духов в салоне. Немногого же он добился! Разочарование было так велико, что Пацюк перегнулся и рухнул на сиденье, которое совсем недавно уже опробовала Мицуко. Полежав на боку несколько минут, Пацюк скосил глаза на резиновый коврик.

Да, черт возьми, от ангела осталось кое-что поматериальнее, чем шорох крыльев и запах духов! Крошечный кусочек ногтя, покрытый черным лаком. Пацюк поднял ноготь, сунул его за пластиковую подкладку водительских прав и только теперь вспомнил о Насте не-Лангер.

Но когда он вернулся в «Аризону», чертовой куклы и след простыл. А официант, которому ковбойская шляпа заменяла мозги, даже не смог взять в толк, о ком это его расспрашивает Пацюк.

О Мицуко он говорить отказался.

* * *

...Настя купила раскладушку.

Это была ее вторая глупость за сегодняшний день.

Первую она совершила в туалете ресторана, куда зашла следом за расфуфыренной девицей с дурацким именем Мицуко. Самым дурацким, какое она когда-либо слышала, если не считать еще одного перла – «Сосико». Но, во-первых, «Сосико» звали ее любимую козу, а козам наплевать, что думают о них окружающие. И во-вторых, кличками для живности в их семье занимался Заза.

Мицуко не была похожа на козу, это точно. Но сильно смахивала на проститутку. Именно такими они и рисовались в девственном воображении Насти: блудливые глаза, блудливый рот и блудливые речи. Настя никак не могла взять в толк, как ее брат мог связаться с такой фальшивкой. Впрочем, она должна быть честной с собой. Она не знала, что произошло с Кирюшей за последние три года, – это раз. И... Мицуко неожиданно понравилась ей – это два.

«Мы спали», – сказала она.

Не стесняясь Насти, не стесняясь чужого мужчины за столом. Не стесняясь себя самой. Если бы Настин рот когда-нибудь произнес что-либо подобное, она сама зашила бы его суровыми нитками! Не то чтобы она была ханжой, нет. Трудно быть ханжой, имея сына и мужа. И раз десять приняв роды у коз. Но... Но «спать с кем-то» – вещь довольно интимная, а устраивать стриптиз в самом неподходящем месте и для случайных зрителей... А ее новая знакомая никаких угрызений совести не испытывала, наоборот, всячески

подчеркивала свое бесстыдство и половую распушенность. И Егору, человеку, призванному охранять нравственность, это даже понравилось. Больше чем понравилось. Все то время, что они сидели за столиком, он пожирал паршивку глазами. Бедный Кирюша! Наверняка завел себе черную куртку только для того, чтобы соответствовать ее крашеным ногтям.

«Мы спали», – сказала она. Ни слова о любви.

...Когда Настя просочилась в туалет, Мицуко стояла у зеркала и пудрила бледный нос. Несколько секунд Настя наблюдала за ее отражением в зеркале. Конечно же, девушка была хороша, особенно если смыть с нее излишки грима. Конечно же, Кирюша мог запросто влюбиться в нее. Нельзя не влюбиться в женщину-птицу, особенно когда держишь ее в руках! И она запросто могла в него влюбиться. Если бы это было так! Они бы обнялись и поплакали! И она рассказала бы Насте о брате. И они выпили бы – не «Барбареско», нет... А чего-нибудь крепкого. Ну почему, почему она не сказала, что Кирюша был ей дорог?... Ведь не зря же она беспокоилась... Чужой, равнодушный человек не станет бить во все колокола и ломиться в закрытые двери!

– Если вам в дабл, то все кабинки свободны, – сказала Мицуко. И ядовито улыбнулась.

– Скажите, вы любили его?

– О! Самое подходящее место для вопросов...

– Мне важно это знать. – Настя умоляюще посмотрела на девушку.

– Ну хорошо. – Мицуко легко вспрыгнула на край умы-
вальника и забросила одну ослепительную ногу на другую.
А потом достала из сумочки длинную черную сигарету и за-
курила. – Поговорим. Я неплохо к нему относилась, я уже
говорила. Он был *amiable guy*.

– Не поняла...

– Милый мальчик, – снисходительно перевела Мицуко. –
Такой красавчик! Он был очень романтичным... До поры до
времени.

– А потом? – упавшим голосом произнесла Настя.

– Потом у него стал портиться характер.

– Почему?

– Ну откуда же я знаю, почему? Вы сестра, вам виднее...

– И вы решили с ним расстаться?

– Расстаться? Ну нет... Для того чтобы расстаться, нуж-
но по крайней мере жить вместе. Мы не жили с ним. Так,
встречались иногда. По его инициативе.

– А потом? Вам расхотелось встречаться?

– Ну да. Иногда отношения начинают напрягать, даже ес-
ли они – *by the way*...¹⁴ Вы меня понимаете?

– Нет.

– Еще бы! В любом случае – я назначила ему встречу, на
которую он не пришел... Ладно, не буду повторяться...

Мицуко выпустила изо рта кольцо удивительно правиль-
ной формы. Как зачарованная Настя наблюдала за его плав-

---

¹⁴ Мимоходом (*англ.*).

ным движением. Кольцо поднялось и нимбом застыло над головой Мицуко. Нет, черт возьми, она не имела права на нимб. Она не была святой! Хотя бы потому, что Кирюша покончил с собой и его последние слова на стекле были обращены к этой холодной женщине...

– Он сделал это из-за вас, – тихо сказала Настя.

– Я так не думаю.

– Он сделал это из-за вас, и вы знаете об этом.

– Чушь! – Мицуко начала волноваться.

– И вы знали, что он может это сделать... Иначе вы не пришли бы к нему домой! Не стали бы вызывать милицию.

Ответом Насте был нервный смешок.

– Откуда, говорите, вы приехали?

– Из Вознесенского.

– Думаю, вам лучше там и оставаться... А не пытаться устраивать расследования.

– Вы чувствовали свою вину... – упрямо повторила Настя.

– O'key-dokey! Хотите знать правду? – Похоже, Мицуко хотела добить Настю окончательно. – Не думаю, что она вам понравится... *Мне нужно было попасть к нему в квартиру.* Только и всего. А дурных мыслей я и в голове не держала.

– Зачем? Зачем вам нужно было попасть к нему в квартиру?

– В последний раз, когда я у него ночевала... я забыла там духи. – Глаза Мицуко мечтательно прикрылись. – Очень редкие духи. Мои любимые духи. «Наэма». До вашего сель-

совета они не доходили?

– Нет... – Умывальник, на котором сидела Мицуко, закачался перед Настинными глазами.

– Естественно. Они даже здесь не продаются... Встречаются разве что на левом берегу Сены... В самых фешенебельных кварталах. Слыхали что-нибудь о фешенебельных кварталах? Не путайте с картофелеуборочными машинами...

– Нет.

– Так я и думала... Словом, я перебрала всех своих знакомых...

– Каких знакомых?

– Тех, у кого они теоретически могли быть. И методом исключения выяснила, что остались они у Кира. Сбросила сообщение ему на автоответчик, назначила встречу. Он не пришел – и это было странно...

– А вам нужны были духи?

– Позарез. Сами должны понимать.

– Духи, и больше ничего?

– Если уж быть совсем откровенной – то да. Я говорила, что у вашего брата в последнее время стал портиться характер. Даже в койке он стал отвлекаться. А я не люблю, когда в койке думают о чем-нибудь, кроме меня.

– Значит, вы устроили все это из-за духов... Позвонили в милицию, чтобы они вскрыли дверь?!

Мицуко радостно закивала головой:

– Ну подумайте сами. Если бы я просто заявила в жэк, меня послали бы ко всем чертям. Так что пришлось прибегнуть к тяжелой артиллерии... А «Наэма» была мне необходима, у меня как раз начинался новый роман... Нет, я определенно забыла их у Кира! Так и вижу, как они стоят на полочке, возле его бритвенного прибора. Умопомрачительный запах, очень сексуальный... А вы говорите, что ваш брат сделал это из-за меня...

– А из-за кого? – Неожиданно Настя почувствовала, что ей не хватает воздуха. – Из-за кого он это сделал?

– Откуда же я знаю? Может быть, у него были неприятности с работой... Или что-то в голове замкнуло... Вы же видели его квартиру.

Наконец-то нимб над головой мнимой святоши развеялся и...

...Как она оказалась рядом с Мицуко, как та оказалась на кафельном полу и как руки Насти оказались на шее очаровательной идиотки – этого Настя сама не помнила. Но хватка у нее – после многолетних битв с сорняками и козым выменем – была железная.

Мицуко, приоткрыв рот, тихонько захрипела: кажется, она всерьез собралась умереть от удушья.

– Значит, у него были неприятности? – Настя слегка ослабила хватку.

– Не зна...

– С работой?

– Не зна...

– И что-то замкнуло в голове?

– Отпусти!..

– И не подумаю. – Господи, неужели это говорит она, в жизни не сказавшая слова поперек не то что своему мужу, но и собственному брату, собственному сыну и собственной козе по кличке Сосико.

Мицуко оказалась гораздо слабее, чем она предполагала. Она уже не просила о пощаде. Она вообще ни о чем не просила. Она вытянулась на полу и закрыла глаза. Продолжение экзекуции было бессмысленным, и Настя разжала руки.

– Прости...

Ответа не последовало.

Уж не перестаралась ли она в своем праведном гневе? Не хватало еще, чтобы этот пустоцвет загнулся раньше времени!..

– Эй, – тихонько позвала Настя.

И снова – никакого ответа.

– Ты жива?

Наконец-то Мицуко начала подавать признаки жизни. Она коснулась лица кончиками пальцев и приоткрыла один глаз. И скосила его на собственную сумочку. И только потом села и достала из сумочки пудреницу. Совершенно сбитая с толку, Настя наблюдала, как девица внимательно осматривает шею.

– Успокоилась? – спросила Мицуко, закончив осмотр. –

Дура! Я здесь ни при чем! Ни при чем, понятно?

– Да...

– Ты и твой брат... Вы оба ненормальные... – Мицуко страшно хотелось продолжить тираду, но, взглянув на сжатые кулаки Насти, она замолчала. – Я тоже дура, что согласилась на эту встречу... Хотела посмотреть на сестрицу, о которой братишка никогда не упоминал...

– Никогда? – переспросила Настя упавшим голосом.

– Никогда. Как будто тебя и нет вовсе. Он говорил, что в прошлом у него был полный мрак... Ни одного светлого пятна.

– Ни одного?

– Ни единого. Вот так!

Они были квиты. И Мицуко даже позволила себе взглянуть на Настю со стервозной симпатией.

– Если у вас там все такие дуболомы, то понятно, почему он сбежал! А ты поздно спохватилась. Ковыряешься в своем дерьме – и ковырайся. Я не возражаю.

Настя молчала. То, что говорит эта одноразовая шлюха, не имеет никакого значения. Главное – Кирюша ни разу не вспомнил о ней. Не хотел, стеснялся вспоминать о ней. Да и кто будет помнить о гнилой соломе или о прокисшем молоке? Ты никто, и звать тебя никак! А Илико... Ее Илико, он ведь тоже так думает... Вернее, стесняется думать. И никогда не напишет ей...

Если бы рядом не было этого эффектного, темноволосо-

го и темноглазого приложения к пудренице, Настя наверняка бы разрыдалась. Но вместо того чтобы пустить слезу, она неожиданно спросила у Мицуко:

– Где он работал?

– Откуда я знаю... – огрызнулась та. – Где они обычно работают, если хотят произвести впечатление на женщину?!

– Где?

– Как же ты меня достала!..

И прежде чем Настя успела что-либо сказать, Мицуко принялась трясти свою сумочку, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении братской могилой всевозможных визиток. Изумленная Настя несколько секунд наблюдала за дождем из крохотных жестких прямоугольников.

– Это называется «визитка», – торжественно объявила Мицуко. – Ви-зит-ка. Поясняю для дикарей. Одно из средств обольщения понравившейся женщины. Чем больше на ней золотого тиснения – тем самец глупее. Чем больше телефонов – тем самец богаче. Чем больше пояснений – тем самец тщеславнее. Еще вопросы будут?

– А Кирилл...

– Возможно, он тоже затесался в это стадо... Я не помню. Ну, теперь ты отстанешь от меня или нет?

Настя впиалась глазами в пол. Визиток было никак не меньше пятидесяти, ничего не скажешь, богатый урожай! Интересно только, как долго он вызревал и за какое время был собран?.. Через минуту она уже запуталась во всех

этих «топ-менеджерах», «коммерческих директорах», «арти-дизайнерах», «управляющих клубом» и загадочных «public relations».

Грязное белье в кладовке, пакетики от вьетнамского супа в мусорном ведре... Нет, Кирюшу нельзя было отнести ни к одному из этих широко представленных видов, подвидов, классов и семейств! И все же на четвертом десятке Настя нашла то, что искала.

Никакого золотого тиснения (что свидетельствует в пользу ума); всего лишь один разнесчастный телефон (что свидетельствует в пользу благородной бедности). И никаких лишних пояснений (что свидетельствует в пользу сдержанной самооценки).

Сама же визитка гласила:

«В А Л М Е Т»

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

Надежно и конфиденциально!

Под телефонным номером ясно просматривалась приписка шариковой ручкой: «*KIRILL*». И еще один телефонный номер. Это был его, Кирюшин, номер!..

Настя ухватила плотный кусочек картона и сунула его в карман куртки. Разбираться с визиткой она будет потом.

– Ну как, откопала братца? – спросила Мицуко.

– Что это еще за детективное агентство «Валмет»?

– Понятия не имею.

– Он там работал, да? На визитке его домашний теле-

фон...

Мицуко посмотрела на Настю, как смотрят на больных чечоткой: с сочувствием, переходящим в брезгливое сострадание.

– Думаю, все эти агентства – сплошное надувательство. Сборыща прыщавых неудачников. Следят за чужими женами, вместо того чтобы завести своих. И это в лучшем случае...

– А в худшем?

– В худшем? – Мицуко задумалась. – В худшем ищут всей конторой какого-нибудь пропавшего мраморного дога. У нас сейчас принято заводить мраморных догов. А у вас?

– У нас только козы, – честно призналась Настя.

– Это заметно. – Мицуко, сунув все свои визитки обратно в сумку, принялась подводить и без того безупречные губы.

– А духи? – Вопрос был совершенно идиотским, но другого Мицуко не заслуживала.

– Какие духи? – Помада едва не выскочила за границы верхней губы. Но все обошлось, и контрольно-следовая полоса не была нарушена.

– Которые пропали... Из-за которых...

– Я их не нашла... Слишком много ментов, которые слишком много на себя берут. Меня даже в ванную не пустили. – Мицуко сердито почмокала губами, а затем облизала их острым маленьким языком. – А ты, случайно, не у него тормознулась?.. На правах сестры?

– Нет.

– Жаль... Но если ты их случайно обнаружишь... Передай здешнему бармену. А я потом их заберу. O'key-dokey?..

Настя промолчала. Распространяться на эту тему было все равно что плясать на могиле Кирюши. Еще не похороненного. Но Мицуко, судя по всему, была совсем не прочь отчебучить у склепа какой-нибудь краковяк.

– А может быть, подъедем туда? К нему... Поищем хорошенько, в четыре глаза... Если, конечно, эти следственные сволочи не конфисковали их в пользу своих коров-жен.

– А надо для антилоп-любовниц?

– Сразу видно, что ты далека от цивилизации. У следственных сволочей не бывает любовниц. Это дорого, это им не по карману. Зарплата с гулькин нос, даже взятки не спасают... Так как, едем? Услуга за услугу...

Теперь, только теперь картина прояснилась окончательно. И повод, по которому Мицуко так легко согласилась встретиться с ней, предстал перед Настей во всей неприличной нищенской наготе: флакон духов, вот что интересовало эту девушку больше всего!

– Нет. Никуда мы не поедем.

Мицуко досадливо сморщила лоб, отошла к двери и уже оттуда нанесла последний удар. Как раз в стиле ее бессмысленного имени:

– Знаешь, что сказал бы о тебе твой брат, если бы хоть однажды вспомнил твое имя? Он сказал бы, что ты тупая

деревенская баба. Вот! Ну, я пошла...

Дальше все произошло так, как и должно было произойти: приставленный к Насте следователь Георгий Вениаминович побежал за бессердечной шлюхой, как осел за морковкой. Но Настя не стала даже сокрушаться по этому поводу.

Пусть волочится, дурачок. В конце концов, она тоже одна не останется, – у нее есть адрес на визитке. А это уже кое-что.

...На то, чтобы добраться до ближайшего метро, ушел добрый час. И все из-за того, что Настя путалась в улицах и подсказках случайных прохожих. И когда наконец на горизонте замаячила буква «М», Настя почувствовала себя почти счастливой.

Из купленной в ларьке карты следовало, что переулок Бойцова, указанный в визитке, находится недалеко от станции «Сенная площадь». Туда-то Настя и отправилась, наскоро перекусив холодной сосиской в тесте и подтаявшим мороженым.

Искомое «стр. № 3» оказалось двухэтажным флигельком с полуслепыми, давно не мытыми окнами. Несколько минут Настя собиралась с духом перед железной дверью (никаких опознавательных знаков на ней не было), а потом решительно нажала кнопку звонка. Где-то в глубине помещения раздался тревожный гул, от которого у нее слегка затряслись колени.

«Господи, хоть бы никого не оказалось», – трусливо по-

думала она, вспомнив о спасительном субботнем дне. Весь свой пыл она потратила на вероломную Мицуко и теперь чувствовала себя совершенно опустошенной.

Но господь не внял ее молитвам: за дверью послышался легкий шорох и скрежет открываемого замка. Через секунду она распахнулась. На пороге стоял парнишка лет двадцати, чем-то неуловимо похожий на Кирюшу. Не на того, который лежал сейчас в морге, а на того, который надламывал веточки «Вильямса летнего» перед тем, как уйти из дома навсегда. Где-то в самой глубине горла у Насти сразу же образовался комок, а к глазам подступили предательские слезы.

– Наконец-то! – сказал парнишка строгим голосом, который совершенно не вязался с юными прыщами на щеках.

«Сборище прыщавых неудачников», – бросила ей Мицуко всего лишь полтора часа назад. Похоже, шлюхи в больших городах любят выступать в качестве пророков. В свободное от основной работы время.

– Я вас уже час жду.

– Правда? – удивилась Настя.

– Мы же на три договаривались! Входите.

Он посторонился, пропуская ее внутрь помещения.

– Значит, так. Три окна по пятьдесят рэ за каждое. Плюс уборка двести. Итого триста пятьдесят за все удовольствие. Правильно?

– Вам виднее.

– Ведра и тряпки в туалете. Там же порошок. Я покажу.

Деньги по окончании работ. Приступайте...

Ошеломленная таким напором, Настя безропотно последовала за юношей.

– А фронт работ? – только и смогла сказать она.

Впрочем, подобный вопрос можно было и не задавать. передовая линия проходила по узкому коридорчику и микроскопической кухне. Единственная комната была заметно больше вспомогательных помещений. И выглядела бы просторной, если бы не обилие стеллажей и металлических шкафов. Имелась в комнате и почти антикварная конторка. А кроме того, планировку безбожно портила выгородка в углу.

– А там что? – Настя указала подбородком на выгородку.

– Начальство, – охотно пояснил парень. – Но сегодня оно отдыхает. Выходной.

– Да.

– Ну, не буду вам мешать. – Парень отлепился от Насти, подошел к письменному столу и устроился за компьютером.

Через секунду слышались щелчки, обрывки фраз и электронная музыка. Эту музыку Настя уже слышала: прыщавый юнец дулся в «Секретные материалы», любимую электронную игрушку Илико. Тот называл ее «квестом».

Настя начала с окон, потом переместилась на кухню, где над раковиной висел написанный от руки листок: «НЕ ОСЛОЖНЯЙТЕ ЖИЗНЬ КОЛЛЕГАМ! МОЙТЕ ЧАШКИ ПОСЛЕ СЕБЯ!» Судя по всему, жизнь коллег была нелегкой: мойка ломилась от грязной посуды. Покончив с наведе-

нием порядка в кухне и туалете, совмещенном с ванной и к тому же оказавшемся еще и маленькой фотолaborаторией, Настя протерла от окаменевшей пыли стеллажи в комнате. А потом – уже по своей инициативе – вымыла лестничную площадку и взрыхлила почву в горшке с квелым цветком алоэ (Aloe Margaritifara, очень редкая разновидность).

И только после этого решила подойти к парню за компьютером.

– У вас цветочек гибнет, – сказала она. – Если хотите, я напишу, что нужно делать...

– Да к черту цветочек... Тут игра гибнет. – Очевидно, что-то у него не складывалось с виртуальными поисками вечных, как гамбургер, и назойливых, как мухи, агентов Малдера и Скалли.

– Я напишу... У вас есть ручка?

– Возьмите на соседнем столе. Бумага в пачке.

Настя пристроилась на краешке стула, вытащила из стеклянной банки остро заточенный карандаш, положила перед собой листок и принялась составлять план оперативных работ по спасению Aloe Margaritifara.

– Смесь удобрений для кактусов... Она должна продаваться в цветочных магазинах. Я там все указала.

– Завтра же пойдем и купим... – Парень даже не повернул голову в ее сторону. – Прямо с утра. Черт возьми, даже солюшен не скачать!.. Поставят когда-нибудь в этой шарашке Интернет или так и будем каменным топорами махать?!

– Вообще-то я все закончила, – прервала его стенания Настя.

– Одну минутку. – Не отрывая взгляда от монитора, парень сунул руку в ящик стола и вытащил купюры. – Триста пятьдесят рублей, как договаривались. Захлопните дверь, пожалуйста.

– Хорошо...

...Через десять минут Настя робко покашляла, напоминая о себе.

– Вы еще не ушли?

– Нет... Я хотела спросить... Это ведь «Валмет». Детективное агентство, да?

– С добрым утром, мамаша! – Юный наглец рассмеялся. – Значит, и у техперсонала бывают проблемы криминального характера?

– Бывают.

– Муж сбежал с соседкой в Карабсельки? Или банку огурцов, не дай-то господи, свистнули?

– А вы можете найти?

– Мужа или огурцы? Или Карабсельки на карте области?

Парнишка, насильно оторванный от материнской груди Даны Скалли, явно издевался, но хватать его за шею и гнуть к полу было явным перебором. Да и всю свою ярость Настя ухлопала на переговоры с Мицуко.

– ...И вообще – у нас выходной, мамаша.

– Я понимаю. Не беспокойтесь, двери я захлопну...

Из флигелька она вышла отягощенная новым знанием. Во-первых, таинственный «Валмет» является не чем иным, как курсами повышения квалификации местных хамов. Во-вторых, возможно, Кирюша был не так уж не прав, если само ее появление провоцирует тряпки, ведра и чистку грязной посуды. В-третьих, она прошляпила переход в возрастную категорию «мамаш». И в-четвертых, где-то в недрах прилегающей к Питеру области затаился населенный пункт Караб-сельки...

Но раскладушку она купила вовсе не из-за агентства «Валмет».

Никакого другого жилья, кроме квартиры, которую снимал брат, у нее не было, а спать в комнате, украшенной свидетельствами его сумасшествия, было выше ее сил. Завтра же она смоет надпись на окне и поклеит обои. И божьи коровки исчезнут навсегда. Во всяком случае, для нее.

...Настя проснулась в четыре утра.

Четыре утра – выработанная годами привычка. Четыре утра – время, когда работа начинает вздыхать, ворочаться и дышать тебе в ухо.

Но никакой работы не было. Только дождь.

Дождь начался еще вчера, на кладбище, во время похорон Кирилла. Это было совсем непросто – решиться оставить его здесь, в глинистой бедной земле. Но Настя хорошо помнила, как он уезжал из Вознесенского: отъезд, больше похожий на бегство. Он ненавидел их захудалый деспотичный дом, и за-

худалое море, и захудалые скалы, — он никогда бы не простил ей, если бы снова вернулся в тихий и благостный провинциальный ад Вознесенского.

Даже мертвый.

Никто не провожал Кирюшу в последний путь, кроме Насти и двух могильщиков, — ни один человек. Да и могильщики торопили ее — их ждали еще одни, более хлебные похороны. Но сотенная сверх положенной таксы сделала свое дело: она получила еще несколько лишних минут для прощания. Но и за эти минуты они не стали ближе: ссадина на лбу Кирюши отвергала ее, и седые виски отвергали, и даже темная полоса на шее, которую удалось прикрыть воротником рубашки, — тоже отвергала...

После кладбища она заехала в магазин и купила бутылку водки: *никогда нельзя нарушать традицию*. Это была из немногих Зазиных истин, которую Настя усвоила за тринадцать лет супружества. Другие истины гласили:

- *женщина принадлежит мужу;*
- *мальчик принадлежит отцу;*
- *мужчина никому не принадлежит.*

Кроме того, в Настином случае имела место более расширенная формулировка: «женщина принадлежит мужу, иначе гореть ей в аду».

Придя в квартиру Кирилла и уже привычно поплакав, она налила водки в стакан, прикрыла его хлебом и принялась за поиски фотокарточки брата. Но так ничего и не нашла: ни

единого альбома, ни единого снимка, даже негативов не было. Странное дело, трехлетняя жизнь Кирилла в Питере не имела никаких документальных подтверждений!

Поразмыслив, Настя вытащила из кошелька двойную фотографию сына и брата – и отрезала изображение маленького Кирюши. Только сейчас она вспомнила день, когда был сделан снимок: последнее воскресенье перед сватовством Зазы. Тогда они ездили в областной центр кататься на аттракционах...

Пристроив фотографию к стакану, Настя немного успокоилась.

Недели ей хватит на то, чтобы привести квартиру в порядок. А потом она уедет. Бессмысленно обивать пороги каких-то сомнительных агентств, бессмысленно пытаться найти авторов угрожающего письма, юбочник из Управления прав: это ничего не изменит. И Кирюшу не вернешь. А если еще Заза узнает, что она задержалась в незнакомом городе дольше отпущенного скорбью времени... Даже трудно представить себе, что он сделает!..

Но на девять дней она должна остаться. Это тоже традиция, которую нельзя нарушать.

С этими мыслями она заснула и проснулась ровно в четыре часа. И долго лежала с открытыми глазами. Если бы эта девушка не оказалась бессердечной шлюхой, если бы она хоть чуточку любила Кирилла, ее можно было бы пригласить. И Настя рассказала бы ей о маленьком Кирюше, кото-

рого та знала только как Кира, затянутого в черную кожаную куртку. Конечно, Настя бы кое-что переврала и кое-где приукрасила, и – почти наверняка – перемешала бы детство Кирилла и детство Илико, это только на фотографии они не похожи...

Если бы Мицуко была другой...

Настя резко повернулась, и купленная только позавчера раскладушка отчаянно взвизгнула. И поминальная водка в стакане покачнулась. Даже если бы Мицуко была другой, любящей и верной; даже если бы у нее была всего лишь одна Кирюшина визитка вместо пятидесяти других, – даже тогда ничего бы не изменилось.

Потому что Насти никогда не существовало. Он никогда не вспоминал о ней. Проще было залезть в петлю, чем вспомнить о старшей сестре! Так тебе и надо, Кирка-дырка, будешь знать...

Проговорив вслух последнюю фразу, Настя струсила так отчаянно, что у нее подломились колени. Хотя, если разобратся, это был всего лишь отголосок детства, когда смерть не существовала так явно, что ею можно было смело шантажировать окружающих. «Вот умру, тогда узнаешь, – часто говорил ей маленький Кирилл. – Вот умру, и посмотрю тогда, что ты будешь делать!»

Во всяком случае, свою детскую мечту он осуществил.

А смотреть не на что. И что делать, она не знает.

Разве что остаться до девятого дня, привести в порядок

квартиру, взять билет до областного центра и вернуться в Вознесенское. И ждать писем от Илико. Они с Зазой давно уже в Англии, ходят по какому-нибудь Лондону, и никто им не нужен. И не скоро еще понадобится. А она, идиотка, забыла положить ему носки из козьего пуха, которые сама вязала для такого торжественного случая.

Идиотка. Идиотка.

Настя несколько раз стукнулась лбом о дверь и с удивлением обнаружила, что это дверь ванной. За ней она не была еще ни разу. За ней Кирюша свел счеты с жизнью.

– Не открою, – сама себе сказала Настя. – Не открою. Никогда. Ни за что.

И открыла.

Ничто в ванной не напоминало о случившейся здесь трагедии. Стиральная машинка в углу, сдвинутая пластиковая занавеска в веселеньких пляжных человечках («bye-bye, sunny boy»), широкая полка с зеркалом, бритвенный станок, кремы – до бритья и после; банка геля, оранжевая мыльница, ножницы, поролоновая мочалка в виде сердечка, одинокий шлепанец на полу.

И махровый халат на вешалке.

И выкрашенный водоэмульсионкой змеевик трубы с едва заметной, но довольно широкой царапиной.

Именно здесь...

Настя прыгнула в ванну, задернула улыбающихся «санны-боев» и только потом начала раздеваться, перебрасывая

вещи через занавеску. А затем, свернувшись клубком на дне, пустила воду. Можно было зажмуриться, сунуть ладони под струю и представить, что Кирилл варит кофе на кухне. Можно было растереть спину мочалкой-сердечком и представить, что Кирилл валяется на диване в комнате. Можно было исподтишка побрить подмышки его «Shick'ом» и представить, что Кирилл вышел за вином в честь приезда сестры...

Да мало ли какую еще бытовую сценку можно было представить, мало ли какую утешительную неправду можно было придумать!.. Но весь ужас ситуации был не в том, что Настя опоздала приехать.

А в том, что ее здесь никто не ждал.

Она протерла мутное от пара зеркало и, близко придвинув к нему лицо, начала изучать собственное отражение. Она не делала этого лет пять, а то и больше. И теперь пожинает плоды. «Тупая деревенская баба» и «мамаша» – вот и все комплименты, которыми удостоил ее этот город. Но ведь не будешь хватать за руки всех его представителей и объяснять, что тебе всего лишь тридцать!..

Это все юг и постоянное солнце. Юг иссушает кожу и оставляет на ней светлые бороздки морщин. Юг – самый изощренный серийный убийца, он не оставляет женщинам никаких шансов.

Настя перевела взгляд на ключицы. Именно здесь, под ключицами, и проходила граница дозволенного и недозволенного в их семье. Обуглившиеся до самых плеч руки, обуг-

лившаяся до самых ключиц шея и бледная грудь; загар и отсутствие загара мирно сосуществуют. И именно по этой идеальной выкройке подбираются все ее летние майки и футболки. Открытый ворот и короткие рукава – вот и все, чего добилась освобожденная женщина Востока.

Настя принялась яростно стирать мочалкой грань между черным и белым.

Напрасный труд. Она убедилась в этом через полчаса, а убедившись, решила вылезать из воды. Уже перебросив ногу через край ванны, она вспомнила, что ее собственное полотенце осталось на кухне, аккуратно разложенное на табуретке. И что никаких других полотенец в ванной нет. Одинокий халат и одинокий шлепанец – вот и все имеющееся в наличии.

Не мешало бы найти ему пару.

Настя вытащила швабру, стоящую за стиральной машинкой, и принялась шарить ею под ванной. Первой в ее руки приплыла пустая бутылка из-под джина (во всяком случае, именно так было написано на этикетке). Потом пришел черед окурков и каких-то журналов с голыми девицами. Шлепанец так и не нашелся, но зато Настя выудила небольшую косметичку. Это был ее последний и главный трофей. Если бы не грязь, облепившая добычу со всех сторон, ее смело можно было бы причислить к произведениям искусства.

Во-первых, бока косметички матово поблескивали – настоящая, хорошо выделанная кожа, тут сомнений быть не

может. Во-вторых, она была черной и смотрелась очень дорого. Абсолютно, стопроцентно женская вещь, и, кажется, Настя знает, кому она принадлежит... Присев на корточки, Настя очистила ее бока и щелкнула застёжкой.

Вещей в косметичке было немного: два серых карандаша, губная помада и небольшой флакончик духов. На обоих карандашах было вытиснено «ANGEL»; такая же надпись сопровождала помаду, к ней прибавился только номер тона – «63».

И, наконец, духи.

Духи назывались «Nahema».

Даже далекая от каких-либо языков, кроме русского и грузинского, Настя смогла перевести: «Наэма». Тот самый потерянный флакон, по которому так убивалась Мицуко. Ради которого она была готова на все. Несколько секунд Настя раздумывала: разбить ли ей флакон о пол или кафельная стена больше подойдет для этой цели. Так ничего и не решив и все еще злясь на Мицуко, она осторожно открыла плотно притертую пробку.

Бр-р!..

Даже под страхом смерти Настя не стала бы пользоваться такими духами. Проще сорвать лепесток розы и растереть его в руках. Проще влезть в банку с ванилью и выпачкать в ней нос. А чистка гнилых фруктов, ежегодный летний кошмар! О, она знает, что это такое...

Она поставила духи на полку, сняла с вешалки халат и

снова зацепилась взглядом за царапину на батарее. Пусть все, что сказала Мицуко, – правда, пусть он никогда не вспоминал ее... Но Кирюша все-таки позвонил ей, – быть может, в самый последний момент! Что именно он не успел или не захотел ей сказать?

Этого она не узнает никогда, а стиральная машина называется «Аристон».

У них в доме, на огромной, заполненной связками перцев и чеснока кухне, тоже стоит машинка. Не такая роскошная, конечно, но стирать в ней – одно удовольствие...

Настя вышла из ванной и направилась в кладовую, где уже лежали рассортированные на стопки Кирюшины вещи. Уже поношенные и совсем новые. Оставлять их здесь не имеет смысла, надо бы перевезти все в Вознесенское. Но Зазе эти вещи не подойдут, Заза всегда был плотным и кряжистым, а в последнее время, после сорока пяти, вообще заметно расплылся. Кирилл же был сух и поджар, он пошел в мать, не то что ширококостная, широкоплечая Настя. Куртки, рубашки и штаны Кирилла могут подойти разве что Илико, но он еще мальчик. Надменный грузинский мальчик. Он никогда не будет носить тряпки с чужого плеча...

Настя отобрала вещи для стирки и сунула их в стиральную машину. И под ее тихий ровный гул снова занялась косметичкой. Не то чтобы ей особенно понравились карандаши и помада... Просто...

Просто она никогда не пользовалась косметикой.

Она даже и вспомнить не могла, почему так повелось. В ящике у зеркала, в их с Зазой спальне, хранились ее нехитрые, еще девичьи радости – выцветшие польские тени, мамина тушь «Ленинград», почти бесцветный блеск для губ – в Вознесенском всегда следили за нравственностью. И боевой раскраской пользовалась только продавщица одного из двух вознесенских магазинов Лидуха – бедовая разведенка.

Вряд ли все эти причиндалы Мицуко подойдут к ее выцветшим белым волосам, узким бровям и смуглой коже... Но они такие маленькие, такие аккуратненькие, такие замечательные...

И Настя решилась.

Сначала она подвела один глаз, потом другой. Получилось не очень хорошо и не совсем ровно, но глаза, такие же выцветшие, как и волосы, неожиданно сверкнули и приобрели глубину. Покончив с глазами, Настя раскрыла помадный тюбик. Помада «Angel № 63» оказалась серо-пепельной, под стать карандашам. Довольно странно, если учесть, что перед ней Мицуко предстала в демонически-черном макияже. Похоже, что Мицуко постоянно экспериментирует, и все ее косметические эксперименты зависят только от какой-нибудь мужской визитки.

Тонкий слой помады веригами повис на губах. Нет, волочить на себе такую тяжесть она не способна! Но перед тем как избавиться от нее, Настя все-таки заглянула в зеркало. И... осталась там на добрых десять минут. Пожалуй, она

ошиблась, определив цвет как серый. Влажный, слегка подрагивающий мутновато-жемчужный блеск – так будет вернее. И так блеснуть мог только восковой бок груши сорта «Любимица Клаппа».

Нет, конечно же, в самой Насте ничего не изменилось, и все же...

Теперь самоуверенный прыщ из конторы «Валмет» никогда бы не сунул ей в руки ведро и тряпку!

Настя вздохнула и подобрала с пола свою одежду: черная широкая юбка с подкладкой (подарок зугдидской родни Зазы), черная, расшитая люрексом кофта (подарок цхалтубской родни Зазы) и черный батистовый платок на голову – подарок самого Зазы. Вещи удобные и практичные. Но все дело в том, что в этом городе совсем другое представление о вещах: униформа для техперсонала, вот как называются все эти Настины сокровища!

И надевать их теперь ей вовсе не хотелось.

Настя вернулась на кухню и посмотрела на часы.

Семь утра. Три часа прошли незаметно, кто бы мог подумать. Она присела на табуретку, вытащила из сумки блокнот для записок «Российский садовод» и принялась писать. Перечень дел получился довольно большим, и нужно очень постараться, чтобы до отъезда успеть их переделать.

1. Купить билет домой.

2. Купить обои.

3. Купить хорошие семена помидоров (импортные), если

найду магазины.

4. Поклеить обои в комнате.

5. Навести в квартире окончательный порядок.

6. Поставить свечку за упокой Кириюши.

7. Поставить свечку за здоровье Илико и Зазы, черт с ним.

8. Поехать на кладбище на девять дней.

9. Отправить Кириюшины вещи посылкой в Вознесенское.

10. Купить подарок для Илико.

11. Купить подарок для Зазы, черт с ним.

12. Купить что-нибудь Нине и Тамаре.

13. Позвонить Нине и Тамаре и узнать, сняли ли Мцване.

Сказать, чтобы Рислинг до моего приезда не трогали.

14. Выбросить шлюхину косметику.

Последний пункт всплыл так неожиданно, что Настя даже удивилась: неужели это ее рука вывела на бумаге столь категоричную строчку? Но отпираться бессмысленно: она.

До открытия всех мыслимых магазинов оставалось по меньшей мере два часа, и Настя решила всерьез заняться квартирой. И отправилась в кладовку, подыскать себе кое-что из старых Кириюшиных вещей. Не будешь же корячиться в подарочном люрексе, честное слово!.. Какой-нибудь спортивный костюм ее вполне устроит.

Но спортивного костюма Настя так и не нашла.

Зато совершенно неожиданно обнаружила кожаные джинсы. Такого Настя еще не видела! Черная кожа была мягкой, ни дать ни взять настоящий, тонко выделанный сафьян.

И заклепки! Вот Заза – он никогда не позволил бы себе надеть такую женственную безделицу. А Кирюше, наверное, они очень шли, недаром в детстве он был похож на девчонку. Настя подумала секунду и решительно облачилась в штаны брата. С некоторой натяжкой можно сказать, что они сидят как влитые. Только немного жмут в бедрах. Насте пришлось до невозможности втянуть и без того впалый живот, чтобы застегнуть «молнию». И постараться по максимуму увеличить промежуток между вдохом и выдохом.

А дальше...

Как на ней оказались ремень и черная (почти новая) рубашка Кирилла, она не помнила. И объяснить появление на своих плечах куртки (той самой, в которой было найдено письмо) – тоже не могла. Все остальное было делом техники.

Она вернулась в ванную, машинально изменила режим работы стиральной машины и как безумная (неужели безумие заразно?) набросилась на «шлюхину» косметику. Теперь подкрашивать глаза стало легче – у нее появился маленький опыт.

«Angel № 63» довершил картину ее морального падения.

Холодея от предчувствия, она заглянула в зеркало. Да. Светлые глаза, вызывающе светлый рот, разбавивший загар; черное-белое, черное-белое – витрина непристойности, лярва-продащица Лидуха может отправляться на заслуженный отдых!

Настя запустила пальцы в воланы на макушке, прошлась

по затылку и подергала себя за косу.

Чего-то явно не хватает, голова кажется совсем незащищенной, как какой-нибудь только что привитый черенок яблони. Скорее назад, к любимому и такому вечному платку: эта крепость надежно укроет ее от всех напастей!..

Но в Настю как бес вселился. Хитрый грузинский кваджи.

Плохо соображая, что делает, она взяла с полки ножницы и отрезала половину косы. Безропотной, всегда услужливой и верной мужу косы. А потом распустила волосы и опрокинула на голову полбанки геля.

Теперь она не нуждалась в зеркалах.

Теперь она наверняка обманула бы Большой Город. Теперь ни один сопляк не всучил бы ей стиральный порошок. И все было бы совсем по-другому, если бы она пришла в «Валмет» именно в таком виде. Настя вышла на кухню и присела перед фотографией маленького Кирилла.

– Значит, я никто и звать меня никак? – спросила она у фотографии. – Сельская родственница, которую нужно стесняться? Ну ладно...

Ей все еще было не по себе, но цепь безрассудств продолжалась. И чтобы ухватиться за кончик этой цепи, она открыла холодильник, достала оттуда водку и сделала большой глоток прямо из горлышка. В другой ситуации она обязательно поперхнулась бы и кашляла по меньшей мере минут пятнадцать, но сейчас все прошло гладко.

Самое время отправляться за обоями. Наверняка они

продаются где-нибудь на рынке. А рынок здесь недалеко, она даже видела его из окон троллейбуса, когда проезжала мимо.

Но стоило ей выйти в прихожую, как флер Кирюшиных вещей моментально улетучился: и всему виной были ее старенькие резиновые сапоги. Именно в них Настя приехала в Питер. А все Тамара! Напела ей в уши, что в Петербурге не прекращаются дожди и часто бывают наводнения. Теперь сапоги, стоящие у входа, служили ей неммым укором. Совместить их и кожаные джинсы с курткой было так же невозможно, как лакать молоко после селедки!

Но во сто крат более невозможным представлялось ей возвращение на кухню, к ее собственной, разложенной на табуретке одежде. Настя намотала на палец прядь волос и задумалась. Есть два варианта дальнейшего развития событий. Она переодевается, пристраивает свои же сапоги к своей же юбке и идет на рынок за обоями. Это первый вариант. И второй – она не переодевается, а вынимает из кладовки Кирюшины ботинки – и идет на рынок за обоями.

Она видела эти ботинки в кладовой. Огромные, с высокими голенищами и толстой подошвой. Илико это чудо обувной промышленности обязательно бы понравилось.

Вот только у Кирюши нога сорок второго размера. А у нее всего лишь тридцать восьмой... Через пять минут Настя устранила и это препятствие, забив носки ботинок туалетной бумагой. Не очень-то удобно, но привыкнуть можно. Она быстро ко всему привыкает. И никогда ни на что не жа-

лется.

Несколько раз подпрыгнув, она сунула руку в карман куртки и вытащила Кирюшины очки. Совсем неплохо, только не хватает какого-то одного-единственного штриха. Она задержала дыхание и спустя секунду поняла – какого именно.

Духи.

Дрянные, пошлые, сомнительного аромата духи «Наэма».
...Выйдя на улицу, Настя остановила первого попавшегося прохожего (им оказался старик с крошечным шпцем на поводке) и кротким голосом спросила у него:

– Вы не подскажете, есть ли здесь где-нибудь поблизости магазин «Товары для дома»? Или «Строй-материалы»?..

* * *

...Метелица остановил свой выбор на журнале «*ДАМЫ И АВТОМОБИЛИ*» после многолетней мучительной селекции. И вовсе не потому, что являлся обладателем роскошной тачки (тачек у него отродясь не было). И не потому, что являлся обладателем роскошной телки (телки сбегали от него на следующее утро, забыв даже принять душ). И не из-за качества полиграфии, и не из-за количества пикантных снимков, вовсе нет.

Все дело было в гороскопах.

Гороскопы были фишкой «*ДАМ И АВТОМОБИЛЕЙ*», а в

гороскопы Метелица верил свято. Он и шагу не мог ступить, не проконсультировавшись с колонкой «Астропрогноз» на последней странице. И еще ни разу благословенный «ДиА» и ведущий (-ая) рубрики Д. Корзун не подводил(-а) Метелицу. Все его (ее) предсказания сбывались, во всяком случае – для Метелицы.

Метелица был Овном, и все его неприятности произрастали именно из принадлежности к этому знаку. Он был упрям, прямолинеен, несдержан в гневе и гнусен в быту. Чертов знак толкал его на самые необдуманные поступки, из всех возможных путей решения проблемы он выбирал самый тернистый. И никогда не доходил по нему до конца.

И все же некоторая последовательность в судьбе Валентина Метелицы просматривалась. Его с завидной методичностью выпихивали отовсюду: сначала из института киноинженеров, потом – с должности второго оператора на киностудии «Ленфильм», затем – с должности помощника звукорежиссера на студии документальных фильмов, позже – с должности ассистента на кабельном телевидении района Ржевка-Пороховые. И, наконец, – с должности осветителя в Театре музыкальной комедии.

После унижительного увольнения из гребаного опереточного серала терпению Метелицы пришел конец.

Он на время забросил свой любимый портвейн «Три семерки», сбрил бороду и поклялся себе, что больше никогда не будет слепо доверять судьбе. Наоборот, сам ее взнуздает.

Но для того, чтобы взнуздать судьбу, нужно было по крайней мере просчитывать ее выбрыки. И тогда Валентин обратился к гороскопам. Он скупил всю литературу по теме, он даже пытался сам составлять «карты судьбы», но все было напрасно. Звезды словно сговорились обманывать Метелицу и обводить его вокруг пальца. Если гороскоп с утра утверждал, что «говорить правду в лицо иногда бывает очень даже приятно...», то вечером Валентин обязательно приползал домой с расквашенной у пивного ларька физиономией. Если гороскоп с вечера обещал ему, что «все ваши финансовые проблемы будут решены», то утром у него обязательно вытаскивали кошелек в абсолютно пустом общественном транспорте. С последней сотенной. Но чем больше астрологические календари били Валю мордой об стол, тем крепче становилась его уверенность в том, что он на правильном пути. И что подсказка обязательно будет. Нужно только немного подождать.

Журнал «Дамы и Автомобили» попался ему в руки случайно. Вернее, даже не в руки, а в ноги: Метелица поднял несколько аляповатое издание с пола в троллейбусе. И сразу же сунул нос на задворки, где каждый уважающий себя журнал печатал гороскоп.

«Крепитесь, потеря близкого человека необратима», – предостерегла его рубрика «Астропрогноз» в лице ее ведущей (-его) Д. Корзун. И действительно, бабка Метелицы, врач-гинеколог на пенсии, никогда не болевшая даже про-

студой и собиравшаяся дожить до столетней годовщины Октябрьской революции, отдала богу душу, угодив под инкассаторскую машину.

Самого Метелицу поразила не столько скоропостижная кончина старой перечницы, сколько пророчество скромной журнальной рубрики.

«Дамы и Автомобили» выходили с периодичностью раз в две недели, и следующий номер журнала Метелица купил уже совершенно осмысленно.

«Крепитесь, вас ждет фантастическая удача», – напел в его уши журнал.

И точно – покойная бабка, с которой он расплевался десять лет назад на почве полной несовместимости идеологических платформ, завещала ему дом в Лисьем Носу. Дом был не так чтобы очень, но земля в Лисьем Носу стоила дорого. Курортная зона, залив – пятьсот метров и престижное соседство: напротив бабкиного двухэтажного скворечника свили себе гнездо (по финской технологии) какие-то ушлые ребятки из Норильска. Поговаривали, что и сам норильский мэр не гнушается навещать в это фешенбельное бунгало.

Последние два года Метелица действовал только по указке Д. Корзун.

Он переехал в Лисий Нос и продал свою скромную квартиру на метро «Проспект Большевиков» после короткой резолюции Д. Корзун: «Операции с недвижимостью в четверг будут особенно удачны, а смена жилья принесет вам

много приятных неожиданностей». Приятных неожиданностей оказалось немало, и в их числе – небольшое наследство, оставленное все той же бабкой.

Но поворотным в своей судьбе Метелица по праву считал выпуск «Дам и Автомобилей» за декабрь прошлого года. Из небесной канцелярии была спущена новая директива для Овнов, а ее педантичный (-ая) ведущий (-ая), как всегда, донес (-ла) ее до широких народных масс:

«ПОПЫТАЙТЕСЬ ОТКРЫТЬ СОБСТВЕННОЕ ДЕЛО – И РЕЗУЛЬТАТ НЕ ЗАМЕДЛИТ СКАЗАТЬСЯ!»

Следует отметить, что такие мысли и раньше приходили в голову Метелице, но теперь он решился. Собственное дело было хорошо уже тем, что выгнать его с работы мог теперь только он сам. Это обстоятельство оказалось едва ли не главным. И после двухмесячного хождения по инстанциям, инспекциям и комиссиям, а также с помощью самой обыкновенной мзды «Управлению по лицензионно-разрешительной работе», «собственное дело» торжественно открылось.

Часть квартирных денег Метелица потратил на взятки санэпидстанции и пожарной инспекции, еще часть ушла на аренду однокомнатной квартиры в переулке Бойцова и закупку офисной мебели, компьютера, канцелярских принадлежностей и сотового телефона. Мобильник был нужен Метелице, как рыбке зонтик, но наличие номера сотовика на визитках – свидетельство финансовой стабильности фирмы. А это благотворно влияет на потенциальных клиентов.

Оставался еще неприкосновенный запас – на зарплату будущим сотрудникам детективного агентства «Валмет».

«Валмет» расшифровывался просто, по первым буквам его имени: «ВАЛЕНТИН МЕТЕЛИЦА». Уже потом, от старого приятеля Додика Сойфера, Метелица узнал, что «валмет» – это еще и марка винтовки, находящейся на вооружении финской армии.

Что ж, тем лучше, причинно-следственная связь сугубо штатского Метелицы с хорошо вооруженным миром – налицо.

Собственно, Додик Сойфер и был тем самым человеком, который надоумил Валентина открыть детективное агентство. Додик начинал свой трудовой путь, как и положено скромному еврейскому юноше, – зубным техником. Но копаться в чужих зубах ему быстро надоело, и он укатил в Израиль, где обитал последние восемь лет. В Израиле он успел послужить в полиции и даже собирался сделать карьеру, если бы не темная история с двумя палестинцами, после которой арабы оказались в морге, а Сойфер – в когда-то брошенной им гойской России.

После неудачных попыток пристроиться в какую-нибудь охранную структуру Додик прибился к Метелице и к денежкам его покойной бабки. Так как полицейский зуд все еще одолевал его, а почесаться никак не удавалось, Додик предложил Вале открыть ни от кого не зависимое детективное агентство.

– И что мы будем делать? – спросил лох Метелица.

– То, что делают все детективы. Выслеживать, вынюхивать, собирать сведения... Дело верное.

– Ты думаешь?

– Еще бы! Ты знаешь, сколько сейчас «новых русских»...

– Старых евреев, – осторожно поправил Метелица, многолетний подписчик газеты «Завтра». – Все «новые русские» – это старые евреи! Разграбили страну, сволочи!..

Подобные разговоры Додик пресекал в зародыше.

– Всему виной ваше русское пьянство. И воровство. Но дело не в этом. А в том, что «новые русские» слишком заняты бандитскими разборками. Их жены остаются без присмотра и вполне могут нарваться на какой-нибудь левый фаллос. Мужья, естественно, легко просчитывают эту ситуацию – сами с фаллосами, – Додик сделал ударение на предпоследний слог. – И что они делают в таком случае?

– Что?

– Обращаются к детективу. Чтобы он, так сказать, выпас их сокровище.

Метелица надолго задумался.

– А я думал, что у бизнесменов есть своя служба безопасности, – наконец сказал он.

– Есть, – Додик ничуть не смутился. – Но существует и другой вариант: крутой папик боится огласки. Не хочет выносить сор из избы. Стыдлив-с... Значит, нужна третья, незаинтересованная сторона. Или повернем ситуацию

по-другому: жена какого-нибудь папика подозревает его в неверности. И слежка устанавливается уже за ним.

Эта мысль показалась Метелице и вовсе абсурдной.

– Если ты начнешь следить за крутым папиком, то не проживешь и двух дней. У них ведь профессионалы работают... Это даже хуже, чем с арабами лаяться.

Но и это не смутило Додика.

– Хорошо... Пример с папиками не совсем удачный, признаю... Но есть же масса других деликатных дел...

– Каких?

– Других, – упрямо повторил Додик. – В жизни все случается. Например, уголовка отказалась от ведения какого-нибудь заведомо обреченного дела. Потерпевшие в панике, пишут жалобы в Генеральную прокуратуру, копия – на оппозиционный правительству телеканал. А тут – мы. Бросаемся на «глухарь», как гиены на падаль...

Метелица иронически хмыкнул, и Додик сразу же поправился:

– С гиенами перебор, конечно... Скажем так, частному детективу можно доверить самую неприличную тайну. Частный детектив – это душевный гинеколог.

«Душевный гинеколог» – это было совсем неплохо. Это был привет бабке, сидящей сейчас где-то под небесными кущами. В конце концов, именно смерть отставной гинекологини дала ему средства к существованию.

И Метелица сдался.

А Додик побежал заказывать визитки. Через две недели они поместили в газетах первые объявления. А еще через три дня объявились и первые кандидаты на должность сотрудников. Два совсем молодых парня. Кирилл Лангер и Арик Дергапутский.

Первый забрел в «Валмет» совершенно случайно: он был торговым агентом и попытался втюхать Метелице автопылесос с пятью насадками, электрогриль и целую коллекцию вибромассажеров. Вещи, безусловно, первой необходимости.

Но как только Лангер узнал о профиле их конторы, вибромассажеры были напрочь забыты. Он остался и был принят Метелицей в штат.

Нельзя сказать, что работы у «Валмета» было завалилось и вся она была серьезной. Так, мелочи, оскорбленные мужья, униженные жены, свихнувшиеся экстрасенсы и такие же ненормальные любители экзотических животных... Первым соскочил Кирилл Лангер, которому было поручено какое-то пустяковое дельце. Суть этого дельца сейчас, по прошествии полутора месяцев, Метелица не вспомнил бы и под дулом пистолета. Какой-нибудь очередной клон любовной слежки, не иначе. Но, судя по всему, в ходе этой слежки Лангер отследил другое место работы. Этим и объяснялся его скоропалительный уход из конторы, а вернее – бегство. Лангер смылся в его, Метелицы, отсутствие (вызванное сезонным обострением портвейновой лихорадки). Бегство бы-

ло таким скоропалительным, что Лангер даже не освободил свою половину стола. Стопка журналов, пара блокнотов, ручка, связка каких-то ключей, фотография какой-то красотки... Не то чтобы уход сотрудника как-то особенно расстроил Метелицу, нет. Просто Кирилл не посчитал нужным даже проститься с ним, хотя исправно, на протяжении двух месяцев, получал приличную зарплату.

Он позвонил и сказал, что больше не придет. И попросил придержать его вещи. Он-де зайдет за ними в самое ближайшее время.

Но так и не зашел.

И уже потом всплыло, что Лангер смылся не просто так, а оставив бешеный счет за переговоры с Испанией. Ни сам Метелица, ни остальные его сотрудники в Испанию не звонили и потому не стали оплачивать подленький счет из принципа. Телефон благополучно отрубили, и с тех пор вся команда пользовалась только одним-единственным на контору сотовым.

А Арик Дергапутский собрал весь хлам предателя Лангера в коробку и задвинул ее в самый дальний угол железного шкафа. Коробка так до сих пор и стоит в углу, а Арик... Ох уж этот Арик!

Если Кирилл Лангер попал в контору случайно, то «прыщавый Дергапут» (как называл его за глаза Метелица) оказался в «Валмете» по знакомству. Он был сыном двоюродного брата первой жены Додика. Арику недавно исполнилось

восемнадцать, и он дневал и ночевал в «Валмете». И все потому, что в офисе стоял компьютер, а Арик обожал компьютерные игры. И не всякие, а исключительно интеллектуальные бродилки.

Квесты, так он их называл.

Только раз «дядя Додик» перекинул ему вшивое дельце некоего господина Таратуты, у которого украли фамильный перстень в городской бане № 17. Арик отправился туда с целью собрать информацию о возможном круге подозреваемых, но был нещадно бит банщиками и с позором бежал с поля боя. Больше его никуда не посылали и никаких дел не поручали, да и дела сходили на нет, их и без того тоненький ручеек пересыхал и грозил высохнуть окончательно.

Фонд заработной платы стремительно таял, и так же стремительно таял интерес Метелицы к своему скоропалительному детективному детищу. Спрятавшись за фанерной перегородкой, он тайком от Додика Сойфера обдумывал новый, гораздо более перспективный, если не сказать – грандиозный проект: создание экспериментальной кинокомпании платного кинодебюта. Он даже подыскал ей название – «Я и звезды».

Метод платного кинодебюта был прост, как геморроидальные свечи.

И рассчитан на жен, дочерей и любовниц «новых русских», или «крутых папиков», как называл их Додик Сойфер. Если какой-нибудь сумасшедший папик согласился бы

профинансировать постановку, то его жена, дочь или любовница автоматически получила бы роль в фильме. Второстепенную или главную – на выбор новоиспеченной исполнительницы.

Причем роль ей доставалась без всяких проб.

Критерий оценки мастерства потенциальной актрисы был только один: толщина «папкиного кошелька». Подобную творческую беспринципность Метелица стыдливо именовал «Новая оригинальная политика в кино». И вот уже две недели работал над манифестом кинокомпании «Я и звезды». Манифест начинался так:

«КОМПРОМИССНОЕ КИНО И МЕТОД
ПЛАТНОГО КИНОДЕБЮТА»
ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕТОД МОЛНИЕНОСНОГО
ФИНАНСОВОГО ВЗЛЕТА РОССИЙСКОГО
КИНОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД КРИЗИСА

Если бы Додик накрыл Метелицу с этими писульками, детектива-отступника постигла бы участь двух несчастных палестинцев...

...Утро начиналось из рук вон. Вчера Валентин получил очередной номер «Дам и Автомобилей» с очередным набором директив Д. Корзун. Директивы выглядели следующим образом:

– «в ближайшее время вам стоит опасаться представителей противоположного пола. Их появление в состоянии нарушить хрупкое равновесие вашей жизни»;

– «во всем, что касается работы и ведения юридических документов, следует соблюдать осмотрительность. А лучше вообще прекратить какую-либо деятельность»;

– «прежде чем вернуться к решению застарелых проблем, хорошенько подумайте, так ли вам это необходимо? Никогда не стоит забывать старинную русскую поговорку «Не буди лихо, пока тихо»;

– «чрезмерная доверчивость может обернуться невосполнимыми потерями. Новые знакомства на данном этапе – верный путь к краху благополучия».

Заведенный журнальным оракулом, Метелица так расстроился, что по приезде в офис закрылся у себя в закутке и настроил три страницы манифеста. Хотя собирался ограничиться одной. Очередная по счету глава заканчивалась лозунгом: «НАША ПРОГРАММА-МАКСИМУМ – СОЮЗ МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И...»

Слово «искусством» он дописать не успел. В комнате раздался низкий глухой зуммер дверного звонка.

«Додик, – подумал Метелица, пряча бумажки в сейф. – Додик, или бабы из жэка проверяют отопление».

– Открой! – крикнул он из-за перегородки Арику. Эта ленивая скотина и с места не сдвинется, если ее не понукать.

В приоткрытую дверь начальнического бокса ему было видно, как Арик, оторвавшись от компьютера, направился в коридор. И застрял там надолго.

Спустя несколько минут он просунул лохматую голову в

Метелицын закуток. Прыщи на лице Арика горели, а грудь тяжело вздымалась.

– Там, – едва переводя дыхание, сказал он. И замолчал.

– Что – «там»? Там труп? Или бомба? Или налоговая полиция?

– Там... Женщина...

Это было что-то новенькое. Впервые из уст Дергапуты вырвалось слово «женщина». До этого всех представительниц слабого пола он классифицировал иным способом. Они были (в зависимости от возраста):

а) сосками (девицы от 18 до 25);

б) подсосами (бабенки от 25 до 45);

в) обсосками (мамаши от раннего климакса и до могилы со всеми остановками).

И вот теперь – пожалуйста! – «Женщина»...

– Женщина? – Метелица безмерно удивился. – Клиентка?

Последние несколько недель их вообще никто не беспокоил.

– Она сказала, что клиентка? – снова переспросил Метелица.

– Она хочет поговорить с начальством...

– Хорошо. Проводи ее ко мне.

Арик исчез и вернулся спустя несколько секунд.

С Женщиной.

У Метелицы сразу же загорелась проплешина на макушке. Да, это действительно была Женщина. Самовлюбленная

и самодостаточная. Сквозь пелену, упавшую на глаза, Метелица наблюдал, как Арик почтительно распахивает дверь перед гостьей. Она на секунду застыла на пороге, и теперь Валентин смог наконец-то рассмотреть ее повнимательнее.

Женщина была затянута в черное: черная кожаная куртка с поднятым воротником, кожаные джинсы, умопомрачительно-тяжелые ботинки, черные солнцезащитные очки. И белые, абсолютно белые волосы! И запах. От незнакомки шел совершенно дерзкий запах, который сразу же вскружил голову Метелице. Этот запах манил и предостерегал. Так должны в идеале пахнуть тела после любовных утех. Так должны пахнуть места преступления. Порочно и притягательно одновременно.

– Здравствуйте, – сказала Женщина. – Мне нужен главный. Это вы?

Метелицу накрыла вторая ударная волна. Голос. Нет, голос был самый обыкновенный, разве что мягкий акцент, происхождение которого несчастный глава «Валмета» определить не мог. Южный? Восточный?..

– Это вы? – переспросила Женщина.

– Да. Метелица Валентин Куприянович. Проходите, пожалуйста.

И, не удержавшись, он подскочил и пододвинул гостье стул для посетителей.

– Чем могу быть полезен? – спросил он, когда она села на краешек стула и почему-то провела ладонями по коленям,

как будто управляя несуществующую юбку.

– Значит, у вас детективное агентство?

– «Валмет», – подтвердил Метелица.

Черт, неужели это существо высшего порядка нуждается в услугах частных детективов? Неужели мужчина в здравом уме и трезвой памяти станет бегать от женщины, совершенной, как... как мотоцикл, как какой-нибудь «Kawasaki Ninja ZX-7RR», максимальная скорость 265 км/ч... Только камикадзе решится променять эту роскошную ниндзя ZX-7RR на весь остальной блеклый и неказистый мир...

– Вы меня слушаете? – переспросила гостя.

– Да, да, конечно, я весь внимание... У вас угнали мотоцикл? – неожиданно ляпнул Метелица.

– С чего вы взяли?

– Простите... Это я так... Вы так смотрите... Я подумал...

– Нет, мотоцикла у меня нет.

Она закинула ногу на ногу. И взгляд Метелицы переместился на кончики ее ботинок. Настоящие «гриндера», очень дорогие. Отступник Кирилл Лангер ходил точно в таких же, прыщавый Дергапут даже потерял несколько килограммов живого веса от зависти к шикарной лангеровской обуви.

– Меня интересуют ваши сотрудники, – сказала ниндзя ZX-7RR.

– В каком смысле?

– Сколько их у вас?

Он мог бы и не отвечать на этот вопрос, но суперблондинка парализовала его волю.

– Немного, но все они – профессионалы, – вдохновенно соврал Метелица. – Каждый из них прошел тщательный отбор.

– Значит, штат полностью укомплектован?

Господи, что он должен сказать? Что он должен сказать, господи? Если бы здесь сейчас был Додик Сойфер с еврейской изворотливостью и умением отвечать вопросом на вопрос... Почему, ну почему мама Метелицы не была семиткой?! Но его мама была мастером в цехе по изготовлению резиновых изделий № 2 на заводе «Красный треугольник»...

– Укомплектован? – снова сказала она.

– У нас вообще нет такого понятия – «штат». Индивидуальности слишком различны... «В одну упряжку впрячь не можно коня и...»

– Трепетную лань, – почему-то обрадовалась незнакомка. – Очень хорошо.

– Вы полагаете?

– Конечно. Я хотела бы у вас поработать.

У Метелицы отвисла челюсть. Если бы суперпроект «Я и звезды» вступил в жизнь уже сейчас, то лучшей кандидатушки на главную роль в каком-нибудь крутом боевике и желать было бы нельзя. Тем более что женщины с такой внешностью на дороге не валяются, у них обязательно должен быть муж. И не просто богатый, а фантастически богатый. Олигархи-

ческое мурло, сидящее на трубе... Нет, на двух трубах... На трех...

– Вы замужем? – спросил Метелица.

– Замужем. А разве это что-то меняет? – посетительница потеряла тусклое обручальное кольцо.

– А ваш муж?.. Он в курсе?

– Речь не о муже.

Жаль. Для «компромиссного кино» такая кандидатура – просто находка...

– Он... обеспечен? – продолжал тянуть свою волынку Метелица.

– Конечно. Но, повторяю, речь не о нем. Вы согласны взять меня на работу?

– Видите ли... У нас очень специфическая сфера деятельности...

– Я понимаю.

– А что вы умеете делать?

– Все, – отрезала женщина.

Конечно, все, никаких сомнений. Кружить голову запахами, забираться в любые постели, провоцировать неверных мужей, втираться в доверие к неверным женам...

– Ваши сотрудники должны питаться, а я совсем неплохо готовлю. Уборка – это пожалуйста... Могу брать стирку на дом...

Черт возьми, да она еще и с чувством юмора! Метелица расхохотался и почтительно подмигнул незнакомке.

– Сдаюсь. Считайте, что я оценил вашу шутку. У нас как раз есть вакансия.

– Значит, вы меня берете?

Женщина сняла очки, и Метелица впервые увидел ее глаза – два прозрачных родника в пустыне; глаза – слишком светлые для такой смуглой кожи. И тотчас же в сомлевших мозгах Метелицы зажглась тревожная предупреждающая надпись: *«В ближайшее время вам стоит опасаться представителей противоположного пола. Их появление в состоянии нарушить хрупкое равновесие вашей жизни».*

– Берете?

– Да!

Вот так! Хрен тебе, астрологическая страница «Дам и Автомобилей»! Хрен тебе, лжепророк Д. Корзун.

– Должность младш... просто детектива вас устроит?

Слова Метелицы произвели странное впечатление на женщину. Она снова надела очки, потом опять сняла их.

– Должность кого? – переспросила она.

И в этом вопросе Метелице послышалось легкое недоумение. Как будто он предложил ей вовсе не то, чего она ожидала. А что же вы хотели, душечка? Нет, пора, пора и ему отстегнуть красотке хохму – как раз в стиле ее надменных кожаных штанов.

– Я бы, конечно, мог уступить вам кресло руководителя... – Метелица похлопал по спинке своего стула. – Но, к сожалению, оно уже занято.

– Да... Я вижу.

– Так как? Согласны?

– Нет... То есть согласна...

– Очень хорошо. Заполните вот эту форму.

Метелица вынул из крошечного сейфа бланк заявления о приеме на работу. Вернее, это была небольшая анкета, которую в свое время состряпал Додик Сойфер. В сейфе хранилось на сегодняшний день четыре таких анкеты: самого Додика, Валентина, Аркадия Дергапутского и бежавшей с их маленького суденышка крысы по имени Кирилл Лангер.

– Можете заполнять прямо здесь. Я выйду, не буду вам мешать.

Метелица поднялся и двинулся к выходу из своего начальственного вольерчика. И едва не снес бутафорской дверью Арика Дергапутского. Удар пришелся по уху, и «прыщавый Дергапут» тихонько взвизгнул.

– Подслушиваем? – Метелица начал теснить Арика от двери.

– Тренируемся на подручных средствах, – парировал тот. – Издержки профессии, как же иначе. Для того чтобы добывать сведения различного характера, детектив всегда должен быть в форме.

– Ну, ты, положим, можешь добыть только сопли из носу, детектив!

Арик не обиделся. Он изящно увлек Метелицу на кухню, прикрыл за собой дверь и спросил:

– Ну, и кто она?

– Будущая сотрудница... Сигареты есть?

Арик вытащил из кармана распотрошенную пачку «Pall Mall» и протянул ее шефу. И щелкнул зажигалкой. Валентин, не куривший последние два года, с тех пор как «Дамы и Автомобили» предупредили Овнов о плачевных последствиях табака, нервно затаился.

– Что значит – будущая сотрудница?

– То и значит. Принял ее на работу.

– В качестве кого?

– Ну, не уборщицы же!.. – Метелица посмотрел на Арика как на идиота. – Так что освобождай стол. Теперь сидеть там будет она.

– А я? Я куда?

– Сообразим что-нибудь. Пристроишься к Додику.

– Да у него же конторка!

– Конторка – тоже неплохо. За конторкой некоторые «Войну и мир» написали.

– Там и одному тесно! – занял Арик. – А я не один, я с компьютером...

– Компьютер придется оставить на столе у дамы... Поскольку она будет у нас единственной. Сам должен понимать.

От такой безрадостной перспективы Арик даже заскрипел зубами.

– Я подаю заявление об уходе, – сказал он.

– Подавай. – Метелица в последний раз выдохнул дым и

затушил окурок в горшке с цветком, стоящим на подоконнике.

Вот тут-то его и настигла кара небесная. Громы и молнии. Громы и молнии извергали прозрачные глаза незнакомки, которая остановилась на пороге.

– Вы с ума сошли, – бросила она. – Это же Aloe Margaritifera, очень редкая разновидность. Совать в цветок бычки – это преступление.

Метелица залился краской, а «прыщавый Дергапут» мстительно хихикнул и злорадно шепнул на всю кухню:

– Уже квалифицирует ваши действия, патрон. Наш человек.

Суперблондинка не обратила никакого внимания на замечание Арика. Она прошла по кухне, отодвинула Метелицу плечом и вынула окурок из цветочного горшка. Потом достала из своего рюкзака какой-то пакет, надорвала его и принялась сыпать содержимое пакета в цветок.

– Это еще зачем? – спросил Арик.

– Это подкормка для цветов, – пояснила суперблондинка.

– Все как с ума посходили с этими цветами... Позавчера уборщица тоже над ним убивалась...

– А вы всегда носите с собой землю? – Метелица с интересом наблюдал за смуглыми пальцами гостьи.

Та промолчала, зато снова откликнулся Арик:

– Думаю, всегда, патрон. Надо же куда-то зарывать своих врагов...

Незнакомка не удостоила его и взглядом. Закончив манипуляции с цветком, она протянула листок анкеты Метелице.

– Я заполнила.

– Очень хорошо. Аркадий, покажите девушке ее место работы, а я ознакомлюсь с анкетой.

...Вот уже пятнадцать минут Валентин держал в пальцах заветную бумажку. Он трижды пробежал глазами каждую строчку, и теперь у него непрерывно покалывало в левом боку. Чтобы унять это неприятное чувство, он снова принялся читать. В четвертый раз.

1. Ф.И.О. – КИАЧЕЛИ АНАСТАСИЯ КИРИЛЛОВНА.

(Фамилия – грузинская. Грузины – или бандиты, или бизнесмены, или режиссеры. Сплошь творческие профессии. Очень хорошо!)

2. Прежнее место работы – ДОМОХОЗЯЙКА.

(Агата Кристи тоже писала во всех анкетах, что она – домохозяйка. Скромность украшает женщину. Замечательно!)

3. Владение огнестрельным оружием – ВЛАДЕЮ. ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ.

(Наверняка муженек берет ее с собой на охоту, развлекает экстремальную женушку. Превосходно!)

4. Владение другими видами вооружения – ВЛАДЕЮ. САТИТЕНИ. РУСУЛИ.

(Интересно, что это за фигня такая? Грузинские мечи? Палаши? Кинжалы? В любом случае – зубодробительно!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.